Молчание сфинкса

Автор:
Татьяна Степанова

Молчание сфинкса

Татьяна Юрьевна Степанова

Старинное предание гласит – несметные сокровища, спрятанные в усадьбе, достанутся лишь тому, кто лишит жизни священника, красавицу, мастера… Разве найдется в наше рациональное время человек, который поверит во всю эту чепуху? Но в усадьбе Лесное происходят жуткие вещи: погиб местный священник, убита красивая женщина… Начальник отдела убийств Никита Колосов и сотрудница пресс-центра УВД Катя Петровская не сомневаются – преступник на этом не остановится. Надо вычислить его как можно быстрее. Сделать это поможет древнее заклятье, оберегающее клад: оно прямо указывает, кто станет следующей жертвой…

Татьяна Степанова

Молчание сфинса

Глава 1

ПОРТРЕТ

Жить среди красивых вещей очень приятно. Умирать больно. Досадно и страшно обидно. Как же так? Вы уходите, а это все остается. Кому? Например, вот этот малахитовый столик эпохи рококо или те каминные часы стиля ампир? Кому

отойдут они? Кто будет их новым счастливым владельцем? И кто, в свою очередь, под зов последней трубы сыграет в ящик, оставив эти вещи, эти чудесные роскошные вещи – все равно как, по завещанию, или просто в рамках гражданского законодательства – следующему? А тот другому, третьему, десятому, сотому. И так до бесконечности в длинной веренице поколений наследников, хозяев, а по сути своей лишь временных хранителей вещей, которые с каждым годом, с каждым веком становятся из просто ценных – бесценными и начинают жить своей собственной жизнью, от которой лишь один шаг до вечности.

Такие мысли о вещах и о вечном могут нежданно-негаданно прийти на ум если не на кладбище, так только в музее. Или в антикварном салоне. Причем лишь человеку, предрасположенному к раздумьям такого рода и крайне сентиментальному. Сергей Мещерский таковым и был, но сам себе в этом никогда не признавался. В принципе все объяснялось обычной хандрой. Тоской по дому, что случается только у москвичей и только в одном месте на свете – в Питере в разгар бабьего лета, когда Нева по утрам уже дышит туманами и ощутимой прохладой, а в полдень нестерпимо для глаз смотреть на сияющий шпиль Адмиралтейства, протыкающий солнце насквозь.

Сергей Мещерский был уверен: москвичам Питер противопоказан. Приезжать в Питер вредно. Тем более одному, без никого. Ровно три дня назад еще в Москве-матушке он звонил жене своего закадычного друга Вадима Кравченко Кате и спрашивал у нее… точнее, просто интересовался… выяснял как бы мимоходом, небрежно, не хочет ли и она (естественно, вместе с мужем – куда же без друга Вадима?) поехать в Питер.

В итоге Сергей Мещерский посетил Северную Пальмиру в гордом одиночестве. Причина поездки была сугубо деловой. Турфирма «Столичный географический клуб», которой Мещерский за неимением прочих увлечений и привязанностей отдавал всего себя без остатка, давно уже пустила на берегах Невы свои цепкие корни.

– Кстати о корнях, Сергуня. Только здесь я чувствую себя самим собой, понимаешь? Только здесь. В Москве с некоторых пор для меня, Ивана Лыкова, стало трудно держаться в рамках. Так и тянет заявить о себе каким-нибудь варварством. На худой конец разбить что-то где-то – витрину в баре или чей-нибудь череп.

Это замечание спугнуло и дополнило мысли – Мещерский рассеянно кивнул: да, да, но зачем же так, к чему? Удивительно, но одиночество его в северной столице продолжалось недолго. Именно на Невском сразу по приезде он буквально нос к носу столкнулся со своим старым знакомым и одновременно дальним родственником Иваном Лыковым, с которым в Москве не встречался, наверное, сто лет.

Лыков не спеша, вразвалочку, с видом скучающего туриста брел по Невскому от витрины к витрине вместе со своей сестрой Анной, с которой у Мещерского была отдельная история.

С Анечкой Лыковой Мещерского пять лет назад активно знакомила, а фактически неназойливо сватала тетя Женя, точнее, как звала ее за глаза вся родня, «всеобщая тетя Евгения Александровна». Все дело было, конечно, в родне и в предках. Если в наше время вы вдруг обнаружите, что среди ваших пращуров имеются дворяне, вы с полуслова поймете, о чем речь. Если не поймете – ваше счастье.

О том, что он прямой потомок славного рода князей Мещерских, Сергей Мещерский всерьез вспомнил только однажды – на заре перестройки. Потом все как-то рассосалось и перешло в иную плоскость. Однако всеобщая тетушка Евгения Александровна не забывала об этом факте никогда. Она, эта ходячая родословная энциклопедия Москвы, помнила также, что и среди предков Ивана Лыкова и его старшей сестры Анны тоже некогда ходили удельные князья. Лыковы – старинный боярский род, происходивший по поместным книгам от легендарного князя Лычко, некогда вышедшего из Угорской земли.

Предком все Лыковы гордились, но вот известный писатель – советский граф Алексей Толстой подложил им всем в своем знаменитом «Петре Первом» большую свинью, написав, что, мол, черт его видел этого Лычко, как он там вышел откуда-то. И в результате возникло сомнение. Правда, тогда, когда советским графом был написан знаменитый роман, особой уязвленности князья Лыковы, в основном сидевшие по тюрьмам и лагерям, по поводу этих обидных сомнений не испытывали. В то время иметь лучше было среди предков не удельного князя, не ближнего боярина времен Алексея Михайловича, а пьяницу-молотобойца с какого-нибудь завода Михельсона. Неприятностей и проблем куда как меньше.

И надо же было случиться такому, что по закону подлости спустя полвека на вступительных экзаменах в МГУ последнему из рода князей Лыковых – Ивану Лыкову достался билет по литературе именно с вопросом о злополучном романе, где происхождение его легендарного предка бралось под сомнение. Потомок князя Лычко громко хлопнул дверью университетской аудитории. В результате чего экзамен в МГУ провалил и поступил в автомеханический институт по остаточному принципу. По окончании института, и это хорошо было известно Мещерскому, он получил распределение на ЗИЛ, вкалывал там инженером-механиком, но нового слова в отечественном автомобилестроении так и не сказал. И все по причине своего характера.

Странная была натура у Ивана Лыкова. Для Сергея Мещерского, знавшего его с детства, он всегда был немножко загадкой. Другое дело его сестра Анна. С ней Мещерский был в ровных приятельских отношениях до тех пор, пока из прозрачных намеков всеобщей тетушки Евгении Александровны не понял, куда на самом деле дует ветер. Ощущение, когда вас настырно сватает ваша досужая родня, а вы этого сватовства не хотите, то еще.

Анна была старше Мещерского на три года. Она была славной милой девушкой. Она прилежно училась в университете, страстно увлекалась всем, чем увлекались ее сверстницы: кришнаитами, Интернетом, хай-теком, дизайном, суши. Когда в моде стал «винтаж», она, урожденная княгиня Лыкова, нашла себе наконец работу по душе и по зарплате в небольшом, но чрезвычайно престижном антикварном салоне на Сивцевом Вражке.

Если уж быть совсем в доску честным, Мещерский вынужден был признать, что ту давнюю заветную мечту всеобщей тетушки о счастливом соединении двух старых дворянских родов Анна Лыкова восприняла довольно равнодушно. Затея эта не удалась, к взаимному облегчению сторон. И неожиданная встреча с Анной на Невском не всколыхнула никаких романтических воспоминаний.

Встретились, удивились, обрадовались, потрепались всласть, как все москвичи в революционной колыбели на Неве. Про антикварный аукцион, традиционно проводимый в сентябре, Мещерский узнал от Лыковых – они как раз на него и приехали и направлялись в выставочный салон в этот солнечный погожий денек бабьего лета.

– Сережа, ты по-прежнему географические карты собираешь? – спросила Аня… нет, теперь, через столько лет, конечно, Анна (если не Анна Николаевна)

Лыкова. – Я помню, я все про тебя помню. На аукцион несколько лотов выставляется – тебе наверняка будет интересно взглянуть.

Географическими картами, а тем более старыми, Мещерского можно было заманить куда угодно, не только в антикварный салон.

Еще по дороге он отметил: Анна за эти годы, что они не виделись, изменилась. Она всегда была девушкой, скорей способной понравиться мужчине, чем не понравиться. Но, оказывается, есть огромная разница между двадцатилетней студенткой и тридцатилетним преуспевающим менеджером антикварного бутика на Сивцевом Вражке. Разница во всем – в прическе, манере разговаривать, одеваться, выбирать духи, аксессуары, лак для ногтей.

Кто ни капельки не изменился, так это Ваня Лыков. Как вставил себе пять лет назад серьгу в ухо, намотал на шею яркий кашемировый шарф, сделал наколку в виде дракона, так и все это до сих пор при нем.

– Сергуня, глянь туда. Да оторвись ты от этой трехверстки!

Мещерский аж вздрогнул: он рассматривал выставленную в качестве лота рукописную карту китайской границы, составленную для герцога Бирона агентом Лангом, посланным с тайной миссией на Дальний Восток в восемнадцатом веке. А Ваня, нет, наверное, тоже уже не Ваня, а Иван Лыков стоял у окна, выходившего на набережную Невы. В выставочном зале аукциона в этот неурочный полуденный час почти не было посетителей, только несколько иностранцев. А на той стороне набережной напротив дома, где помещался антикварный салон, на фоне серо-гранитной Невы и ярко-голубого неба четко выделялся трехэтажный красный особняк. Осеннее солнце отражалось во всех его зеркальных окнах, спелым багрянцем окрашивало медную, заново перекрытую крышу.

До революции этот особняк принадлежал князьям Лыковым, потом там располагалось военное училище, затем райком комсомола, а сейчас вот какой-то банк. Особняк менялся и менял владельцев. Но и на фоне светлого квадрата окна с выделяющимся в солнечной дымке утраченным родовым гнездом последний потомок рода Лыковых был все таким же…

– Сергуня, кстати, о корнях. Только здесь я чувствую себя тем, кто я есть, понимаешь? А в Москве с некоторых пор мне…

– Интересно, Иван, а кто изображен на этом портрете? – спросил Мещерский, чтобы Лыкова уж совсем не заносило насчет Москвы, Запада, заката Европы и прочего.

– На каком еще портрете?

– На том самом, что ты так дотошно только что разглядывал? – Мещерский кивком указал на картину, висевшую среди других полотен, выставленных в качестве лотов.

Вернисаж был подобран пестрый: от жиденьких пасторальных пейзажиков в стиле модерн до посредственных копий итальянцев и голландцев. Все рассчитано на среднесостоятельного покупателя.

Картина, которая с самого начала особенно привлекла внимание Лыкова (на остальные лоты он почти и не смотрел), была довольно тусклым женским портретом первой трети восемнадцатого века, писанным маслом. На портрете была изображена дама в напудренном парике, в платье с фижмами времен императрицы Елизаветы Петровны, вместе с арапчонком в ливрее. Смелое декольте, пудра и парик не скрывали, а, наоборот, подчеркивали возраст дамы – желчное, властное выражение лица, первые признаки увядания, ум, опытность и ледяное презрение в темных глазах.

Арапчонок, нарисованный внизу холста, больше смахивал на дьяволенка, чем на ребенка, – столько злого сарказма и жестокости было в чертах его темно-шоколадного сморщенного личика.

Но, как заметил Мещерский, Ивана Лыкова в этой картине интересовали не столько лица изображенных, сколько их костюмы. Наряд дамы был из серебристой парчи. К лифу алмазным аграфом с вензелем Елизаветы была приколота алая фрейлинская лента. Кроме аграфа, на платье виднелось и еще одно массивное драгоценное украшение: подвеска в виде кораблика – гондолы, украшенная крупными жемчужинами и самоцветами. Эта подвеска совершенно не гармонировала с платьем. Она словно попала на портрет из другого века.

– Нравится? – усмехнулся Лыков. – Тебе она нравится?

– Чей это портрет? – повторил Мещерский.

– В каталоге значится, что это русская копия с итальянского оригинала, – ответила за брата Анна Лыкова. – Это портрет Марии Бестужевой, жены вице-канцлера и придворной фрейлины Елизаветы. Копия довольно слабая. Рисовал ее, скорее всего, какой-нибудь крепостной художник, учился копировать фамильные портреты.

– Неужели эту мегеру кто-то купит? – усомнился Мещерский. – Неприятное какое лицо, и краски мрачные.

– Купят, – ответила Анна, – лоты восемнадцатого века редкость на наших аукционах. Купят, повесят в гостиной над диваном.

– Салтыков купит, – сказал Иван Лыков. – Видишь, Аня, как точно я называю имя будущего покупателя. – Он помолчал, многозначительно поглядывая то на отчего-то сразу смутившуюся сестру, то на удивленного Мещерского. – А что, Сергуня, ты разве не в курсе, что он снова приехал? Что он уже с начала лета в Москве обретается? И, по-моему, на этот раз возвращаться в Париж не собирается.

– Ты не знал, что Роман… Роман Валерьянович здесь? – спросила Мещерского Анна. – Ты совсем не интересуешься нашими общими родственниками, Сережа.

Насчет общих родственников Анна немножко слукавила. Мещерский усмехнулся про себя. Салтыковы, Лыковы и Мещерские действительно были близкой родней, но… почти век назад. Предки Салтыкова после революции эмигрировали. Предки Мещерского и Лыковых остались. С Романом Салтыковым Мещерский впервые встретился в Париже несколько лет назад. Затем Салтыков приезжал в Россию, на свою историческую родину, и они встречались снова в качестве дальних родственников в Москве. Роман Салтыков был старше Мещерского на двенадцать лет, по-русски говорил свободно, но с акцентом, был женат, имел детей.

– А в Лесном, между прочим, работы полным ходом идут все лето, – сообщил Лыков, – Салтыков столько бабок вбухал в этот проект. А сколько всего было-то?

Никто ведь не верил. Не верили даже, что разрешат. Ни в фонде культуры не верили, ни в монархическом союзе… Не верили, что дом отдадут в аренду. А сейчас там уже реставрируют вовсю. Вот что значит бабки немереные и европейская упертость: решил – сделал. Мы бы с тобой, Сергуня, дорогой, давно бы руки опустили, плюнули, а Салтыков – нет, настоял. Решил проблемы. И фонд культуры добро дал, и министерство, и администрация. Между прочим, мы там с Аней часто бываем, в Лесном, у Романа Валерьяновича в гостях. От тебя ему привет передать по-родственному?

– Да, конечно, передай. Я рад, что Роман приехал, – Мещерский улыбнулся. – А почему ты говоришь, что никто не верил в его затею с возрождением усадьбы?

– Потому что знаю. Никто не верил. Одни глупостью считали, другие блажью богатого придурка. А придурок-то сделал всех нас. Да, да, в первую очередь нас с тобой, Сергуня. Приехал и показал, каким орлом можно быть. Как дела обделывать насчет реституции. Как верить в то, во что никто не верит. Как это сказано: каждому по вере его, да? – Лыков словно злился на кого-то за что-то. Он смотрел на портрет дамы с арапчонком, висевший среди других лотов не избалованного питерской публикой антикварного аукциона, и злился. – А между прочим, при Елизавете Лесное принадлежало вот этой самой Бестужевой, – сказал он, но уже совсем иным тоном. – Она тоже Роману Валерьяновичу в какой-то мере родственница. А значит, и нам с тобой родня-с. Жизнь у нее бурная была, на готический роман потянула бы.

Мещерский только пожал плечами. О портрете и об этом разговоре с Лыковым он почти сразу же забыл, как только они распрощались там, в Питере, где каждый пошел в свою сторону по своим делам. Однако вспомнить все это Мещерскому пришлось. И неожиданно скоро – едва он вернулся в Москву.

Глава 2

СВЯЩЕННИК

Говорят, что глаза жертвы хранят отражение убийцы: загляни – и увидишь кто. Чушь все это. В мертвых глазах не отражается ничего. Даже вечное небо, даже белые облака в мертвых глазах увидеть нельзя. Не похожи на зеркало мертвые

глаза. Вообще не похожи ни на что живое. Потому-то, наверное, так неприятно и страшно заглядывать в глаза мертвецу.

Начальник отдела убийств ГУВД Московской области Никита Колосов наклонился, провел ладонью по холодному, влажному от моросящего дождя лицу убитого. Кому-то ведь надо выполнить этот долг – закрыть, ощущая колкость ресниц.

Осмотр места происшествия приходилось делать под непрекращающимся дождем, в быстро по-осеннему наступающей темноте, при скупом свете фар дежурной милицейской «Волги». В этом деле все уже было не гладко, не так, как надо с самого начала: место, время, освещение, погодные условия. Но самые большие проблемы – и Никита Колосов чувствовал это – обещала сама личность убитого.

– Это отец Дмитрий, настоятель церкви мучеников Флора и Лавра в Тутышах, – сказал Колосову дежурный по главку. – Сколько лет у нас таких случаев не было. И вот, пожалуйста, дождались. Хлебнем теперь с этим делом досыта.

Убийство священника было делом действительно редким. На памяти Колосова такое случилось лишь однажды, когда он только начинал работать в уголовном розыске. Еще на пути в эти самые Тутыши он знал, кого наверняка застанет на этом сенсационном происшествии. И он не ошибся.

Машина главковского пресс-центра даже опередила его. А в группе милиционеров в дождевиках резко выделялась до боли знакомая фигурка под красным зонтом. Словно тоненький и ужасно деловой гриб-мухомор. Криминальный обозреватель пресс-центра ГУВД Екатерина Сергеевна Петровская (по мужу Кравченко) уже была здесь, на месте. Тихонько, без суеты расспрашивала начальника местного отделения милиции Николая Кулешова о том, что случилось. Как и Колосов, Катя в этих самых Тутышах оказалась впервые. Однако в сгущающихся сумерках и оглядеться по сторонам толком было невозможно. Желтые пятна света от автомобильных фар вырывали из дождевой смурной пелены лишь небольшой участок с распростертым на земле мертвым телом.

Колосов смотрел на труп и отчего-то медлил начинать осмотр. Священник. Старик. Седые волосы, седая аккуратная борода. Руки широко раскинуты. Левая

накрепко вцепилась в комок глины. Справа от тела примерно в метре – пухлый кожаный портфель, тоже весь в глине. И эта чудная одежда. Непривычная. Ряса, что ли, или как она там называется, похожая на коричневое одеяло…

– Кто его обнаружил? – спросил он Кулешова. – В котором часу?

– В 20.40 рейсовый автобус из Коломны пришел по расписанию. Пассажиры, что здесь сошли, – наши здешние, с молокозавода мужики – вот их фамилии, я записал для следователя, они и наткнулись. Там у нас автобусная остановка, – Кулешов махнул куда-то в темноту, откуда доносилось слабое эхо оживленной автомобильной трассы. – Этой дорогой все здешние ходят с автобуса – и на молокозавод, и в Тутыши, и в Воздвиженское, и в Лесное. В Лесное, правда, подальше и свернуть еще надо.

– Давность наступления смерти – четыре часа. Его убили около шести вечера, – сообщил патологоанатом. – Никита Михайлович, давайте его осторожно перевернем. Я вам покажу рану.

Перевернули. Перед тем как тронуть труп с места, Колосов и закрыл ему глаза. Мертвое старческое лицо, иссеченное морщинами, борода, усы.

Затылок был раздроблен.

– Черепно-мозговая травма, она и стала причиной мгновенной смерти, – сказал эксперт. – Ударили, видимо…

– Обухом топора?

Это громко, тревожно спросила Катя. Колосов обернулся через плечо. Катя близко к трупу не подходила. Жалась в сторонке под этим своим смешным красным зонтом-мухомором. Рядом с ней стоял оператор телестудии Марголин. Ладил камеру – снимать, скорей все снимать. Катя зонтом прикрывала от дождя не столько себя – камеру, всевидящее око.

Насчет этого самого обуха топора она спросила неспроста. Все это поняли. Переглянулись. В Подмосковье уже было одно убийство священника, о котором вскоре узнала вся страна. В том деле фигурировал топор. А дело так и повисло

глухарем.

– Нет, нет, это не топор, – патологоанатом словно обрадовался чему-то, заспешил. – Удар нанесен сзади, с силой, человеком чуть выше среднего роста. Но это не топор. Похоже на монтировку или свинцовую дубинку.

– Или на кусок трубы. – Колосов присел, начал, светя себе карманным фонарем, осматривать рану. Осторожно ощупал череп. Рядом с головой мертвеца валялась испачканная глиной и кровью бархатная фиолетовая шапочка непривычного покроя. Колосов вспомнил, что священники носят вроде бы какие-то скуфьи. Это и есть скуфья? Или это клобук?

– Как он тут оказался, зачем? Выяснили? – спросил он у начальника отделения милиции Кулешова.

– Выясняем. Я двоих своих сотрудников послал в церковь и домой к нему, – ответил тот.

– У него кто из родственников есть? Жена, дети? – продолжал спрашивать Колосов.

– Жена у него умерла давно. Бездетные они. Но у него полон дом родни, все старухи: сестра с ним проживает, потом теща – этой вообще чуть ли не сто лет, и еще приживалки – тетки какие-то троюродные. Их дети родные в дом престарелых сбагрили. А отец Дмитрий к себе взял. – Кулешов вздохнул. – Эх, жалко мужика! Хороший старик был. У меня почти пол-отделения крестники его.

– Тут жилье какое-нибудь поблизости есть? – спросил Колосов. – Свидетелей для начала будем искать. Может, кто-то крики о помощи слышал, видел что-то. В шесть вечера еще не так темно было. Значит, это обычный путь здесь у вас с автобуса?

– Самый обычный. А жилья тут особо близко нет никакого. Летом дорога-то торная, машины часто ходят – дачники на пруды в Лесное купаться ездят, когда жарко. Ну а осенью народа почти нет – только свои, кто на автобус к расписанию идет.

– В шесть часов, в начале седьмого автобусы по расписанию есть?

– Даже два – один с Москвы, экспресс, но по требованию всегда тут останавливается, и с Бронниц. Коломенский приходит в половине шестого. Но часто бывает, что опаздывает. Только вряд ли бы он поехал в Коломну на ночь-то глядя, в шесть вечера, – Кулешов с сомнением покачал головой.

– А что у него в портфеле? – подала голос Катя.

Колосов снова оглянулся. Этот кожаный портфель рядом с телом. Он тоже создавал проблемы. Портфель, что бы там в нем ни было, не взяли. Судя по всему, даже не открыли его, не притронулись. Значит, это было не ограбление. Значит, дело не в каком-то залетном забулдыге, подкарауливающем на осенней сельской дороге редких прохожих.

Но портфель он открыл не сразу. Сначала вместе с патологоанатомом, следователем прокуратуры и оперативниками они тщательно осмотрели тело, ища другие повреждения. Но, кроме раны на голове, ничего не было – ни ссадин, ни ушибов, ни синяков.

Под коричневой шерстяной рясой у отца Дмитрия оказался толстый мохеровый джемпер и суконные брюки. Осмотр вроде бы шел как обычно, по всем правилам, как и в десятках и сотнях других происшествий, но все-таки и тут что-то было не так, нехорошо, неладно. Колосов чувствовал странное смущение и дискомфорт, когда они осматривали, разоблачали, раздевали этот труп, ища следы ударов, побоев. Священник был совсем особой жертвой.

– Марголин, убери камеру, – тихо сказал Колосов ретиво сунувшемуся вперед оператору пресс-центра.

– Мне надо снять.

– Убери камеру, пожалуйста.

– Но мне надо снять осмотр! – Марголин повысил голос.

– Пожалуйста, сделай, как тебя просят, – тоже тихо, как Колосов, сказала ему Катя. – Никита, ты зря тревожишься, эта пленка никуда не пойдет, пока… пока вы не раскроете. Потом вам самим же съемка места пригодится. Если хочешь, я тебе эту кассету прямо сейчас отдам.

Катя была, что называется, кругом права: они делали свою работу. И пленка действительно пригодилась бы розыску, но…

– Это все-таки поп как-никак, – буркнул он.

Катя тревожно взглянула на него.

– Выключи пока камеру, – обернулась она к Марголину. – Потом они закончат осматривать, приведут одежду в порядок, тогда продолжишь.

– Да в чем, собственно, дело? – недовольно спросил Марголин. – Что не так-то?

– Все так. Но это священник, – повторил Колосов. – Эх, попа нам только и не хватало. Давайте остальные машины сюда фарами развернем. А то темно, как в яме. Территорию осветим.

Катя, прикрывшись зонтом, побежала, заскользила по глине к машине. Через пять минут света стало больше, но и тьма, окружающая место происшествия, словно еще больше налилась чернотой. Колосов огляделся по сторонам: вот ведь кругом не пустыня, не тайга, не лес дремучий – живописное дачное место в родимом Подмосковье. Оживленная Рязанка – там, за леском, Тутыши эти самые – деревенька, Воздвиженское – поселок, железнодорожная станция. Отчего же всего этого как бы и нет сейчас, а только мрак, ненастье, безлюдье, глухомань? Кажется, понатыкай вдоль этого проселка фонарей – и все появилось бы, возникло как по волшебству. Неужели все дело только в электричестве и его отсутствии?

Осмотр продолжался до десяти вечера. Нет-нет да и поглядывал Колосов через плечо в сторону: где там стоял чахлый «жигуленок» пресс-центра? Ага, все еще здесь, на месте. Не уезжает. И фары его таращатся, как два глаза в ночи.

– Какие в такую погоду следы, – промокнув и вконец извозившись в грязи, бурчал Кулешов. – Все развезло.

– Завтра днем сделаем повторный осмотр, – Колосов вытер мокрое вспотевшее лицо рукавом кожаной куртки. Руки были грязные. Попытался под дождем помыть – только хуже сделал, вытер платком. – Меры примите к сохранности обстановки. Вон те кусты у дороги хорошо бы детально осмотреть. Да только сейчас ни черта не видно. Вообще здесь открытый участок. Если где и прятаться, ждать, подкарауливать, так только в этих кустах. Листвы еще много, не опала.

– Убийца мог идти следом за отцом Дмитрием, догнать его здесь и нанести сзади удар, – сказал Кулешов. – Если б он портфель распотрошил, так и гадать было б нечего – ограбление, все ясно.

Колосов поднял портфель священника – ого, увесистый. Такую тяжесть дают только книги. Светя дополнительно карманным фонарем, он легко открыл замок, и они все склонились над портфелем. Тут же появилась и Катя – высоко подняв зонт, с которым упорно не хотела расстаться, хотя все равно промокла, вклинилась между ними. Колосова даже локтем от нетерпения толкнула – подвинься.

– Мне за воротник капает, – сказал Кулешов.

– Извините, Николай Николаевич, – она дернула зонт и едва не попала в глаз спицей оператору Марголину, снова включившему камеру.

В портфеле действительно были книги. Колосов достал их одну за другой, прочел название: Сократ Схоластик «Церковная история», три тома «Вестника Московского патриархата», несколько старых номеров журнала «Православие и культура» и…

На дне портфеля лежали три пухлые денежные пачки, перетянутые банковскими резинками. Колосов извлек их. В одной были сплошь сотенные купюры, в двух других – пятисотрублевые.

Глава 3

ТРИ ОКНА

За городом осенними глухими вечерами темно, ах, как же темно! Чуть свернете с магистрального шоссе направо или налево – и точно в чернила с головой нырнете. Впереди тусклая полоса света от фар вашей машины, а по сторонам только причудливые бесформенные тени. И хоть разорвись – не угадаешь, мимо чего проезжаешь: старой дачи, сельмага, куста бузины или притаившегося у дороги косматого чудища, стерегущего добычу.

Никита Колосов вроде бы внешне совсем никак не отреагировал на то, что Катя на обратном пути в Москву села в его «девятку», а не в машину пресс-центра. По крайней мере, изо всех сил старался держаться в рамках. Ехать вдвоем с места происшествия, а тем более ночью, было, конечно же, лучше, чем одному.

– Ой, Никита, как хорошо, что именно ты выехал. Ты знаешь, я никогда здесь прежде не была, – в машине Катя юлой вертелась на заднем сиденье, пытаясь пристроить мокрый зонт так, чтобы с него не капало ей на ноги. – Мы ведь тут с Марголиным совершенно случайно оказались. В Сотникове снимали материал о деле Вавилова. И тут вдруг сообщение – убийство. И, как назло, дождь зарядил. А я знала, что тебя здесь увижу. Жуткий случай, правда?

– Мы, Катя, только и видимся с тобой, когда кого-нибудь прикончат. Кстати, все хотел спросить тебя – как там твой муж поживает?

– Спасибо, очень хорошо.

– Спортом занимается? Не надорвался еще?

– Не надорвался, – кротко отвечала Катя. – Он у меня мальчик крепкий.

В свете фар перед машиной что-то вдруг выскочило как черт из табакерки – ошалелый заяц или кошка. Колосов резко крутанул руль, не сбавляя скорость. Он плавно нажимал на газ с каждым новым вопросом.

– Этот отец Дмитрий старенький совсем был, а я думала – молодой, – сказала Катя, явно стараясь перевести разговор ближе к теме. – Давно в области такого убийства не было. Надо же – священник. Если раскроете, то…

– Раскроем. Мы, знаешь, тоже не слабаки.

– Ой, Никита, – Катя вздохнула, – не хвались, любишь ты хвалиться. Что-то не понравилось мне сразу то, что мы увидели.

– Что ж там может понравиться? Труп, грязь, кровища?

– Мне не понравилось, что убит священник. И то, что его убийца не взял ничего из вещей, даже деньги не взял! Вы их там пересчитывали – сколько было?

– Сорок три тысячи рублей.

Катя помолчала, смотря в окно, – тьма, тьма кромешная. А ведь до Рязанки всего каких-то пятнадцать километров.

– Завтра сюда вернешься? – спросила она.

– Конечно, куда же я денусь?

– Если я с начальником договорюсь, можно и мне приехать?

– С каких это пор криминальный обозреватель пресс-службы спрашивает у розыска разрешения?

– С таких.

– Материал какой-то будет обязательно, но может так выйти, что не для прессы. Не боишься здесь со мной время зря потратить?

– Знаешь, Никита, я не помню случая, чтобы я зря тратила с тобой время. Значит, ты не против, чтобы я собирала материал по убийству священника?

– Нет. Лично я совсем не против.

– Ты только смотри, пожалуйста, на дорогу. Иначе мы врежемся.

– Не врежемся. Не бойся.

– Я не боюсь. А вон еще одно окно светится… Интересно, кто это не спит в такой час здесь? – сказала Катя. – Когда мы свернули с проселка, я тоже видела вдали освещенные окна. А вот дома так и не разглядела.

– Я тоже видел свет. Ты с такой тоской это говоришь, словно тут тундра. А здесь люди кругом живут.

– Просто их не видно, потому что фонари не горят. – Катя устало улыбнулась. – В этом что-то иррациональное есть, не находишь?

Колосов пожал плечами: иррационального он в этом ничего не находил. А про себя подумал: «Если и в следующий раз придется выезжать на происшествие в такую дождливую ночь, неплохо бы разжиться в отделе спецтехники прибором ночного видения. Всего и делов-то, как говорится».

Во тьме домов и людей не было видно, но они, конечно же, были. Если бы кто-то в этот поздний час шел по проселку от автобусной остановки, то увидел бы в ночи три ярко освещенных окна. Дома, в которых светились эти окна, располагались в разных сторонах, но не так уж и далеко друг от друга.

Один дом скрывался за высоким дощатым забором. Круглое окно-иллюминатор светилось на втором этаже, но кто не спал в этот час там, в доме, понять было нельзя – окно задернуто кремовыми шторами, непроницаемыми для любопытных глаз.

Дом этот, точнее благоустроенная дача, принадлежал хорошо известному и в Москве, и в Тутышах, и в Воздвиженском, и в Лесном (особенно в Лесном) доктору Михаилу Платоновичу Волкову.

Светилось окно и в кирпичном одноэтажном доме, лепившемся к ограде церкви мучеников Флора и Лавра. К дому этому подъехал на всех парах милицейский

«газик», растревожив тьму сполохами своей синей мигалки. И сразу же в доме уже не в одном окне, а во всех шести вспыхнул свет, засуетились, заметались внутри люди. Тени заскользили по окнам. Послышался женский плач, захлопали двери, залаяла спросонья испуганно и злобно дворовая собака Мушка.

Дом у церкви принадлежал отцу Дмитрию. И не стало в этом доме ни сна, ни покоя никому, едва лишь милиция сообщила родным, что отец Дмитрий убит.

Было освещено окно и еще в одном доме, отделенном от дороги прудами и лесом, некогда так похожим на тенистый парк. Ночью разглядывать этот дом было напрасным занятием. Осмотр лучше было отложить до утра. Дом был большим, совершенно темным. Только в правом флигеле его желтел освещенный квадрат окна. Заглянув в окно, можно было увидеть комнату: к окну придвинут круглый стол из карельской березы, покрытый скатертью. На столе стояла бронзовая лампа «Сатир и нимфа» под белым шелковым абажуром.

За столом над раскрытым журналом «Восточная коллекция» сидела женщина лет сорока пяти – полная, в очках. У женщины – не красивой, но и не уродливой – были очень густые темно-русые волосы с проседью, подколотые сзади в пучок. Женщина куталась в синюю вязаную кофту и давно уже не читала журнал. Она тревожно вглядывалась в темноту за окном. Как и покойный отец Дмитрий, как и доктор Волков, эта женщина была хорошо известна в округе, хотя была не местной, а приезжей. К чему не могли до сих пор привыкнуть в Тутышах и в Воздвиженском, так это к имени женщины. Звали ее Долорес Дмитриевна, хотя среди предков ее никогда не было ни одного испанца, и Испанию она и в глаза не видела даже по туристической визе. Фамилия Долорес Дмитриевны была самая обыкновенная – Журавлева.

Где-то в доме громко хлопнула дверь, послышались шаги. В комнату, освещенную одной только старинной бронзовой лампой, вошла еще одна женщина – по виду ровесница Журавлевой. Но она была стройнее, выше ростом, суше и гораздо энергичнее на вид. У нее была модная стрижка. Волосы выкрашены в приятный для глаз темно-каштановый цвет, лицо властное, умное, ухоженное и решительное. Она, видимо, пришла с улицы, так как была в кроссовках, фиолетовом спортивном костюме и белой куртке. Долорес Дмитриевна стремительно обернулась на звук шагов.

– Ну? Наташа, узнала что-нибудь? – спросила она жалобно и тревожно.

– Господи, у кого тут что узнаешь? – Женщина в куртке, которая только для одной Долорес Дмитриевны, своей старой подруги, была просто Наташа, а для всех остальных Наталья Павловна Филологова, пересекла комнату, подошла к окну. – Просто мрак какой-то. У Малявина свет не горит. Я понятия не имею, где он. Сотовый его не отвечает. Вроде бы он никуда и не собирался сегодня после обеда, а? Я не слышала, чтобы его машина проезжала. Но знаешь, что-то точно случилось. Я сирену милицейскую слышала. И потом, этиих синие огни. Вроде бы в ту сторону поехали, – Наталья Павловна неопределенно махнула рукой.

– А может, это «Скорая» к отцу Дмитрию была? У него ведь теща совсем плоха. Может, с ней что? – спросила Долорес Дмитриевна.

– Да нет же, это не «Скорая», – Наталья Павловна вглядывалась в черноту ночи. – Это милиция, такие вещи не перепутаешь. Что-то случилось.

– А вдруг с ребятами что? – Долорес Дмитриевна даже привстала. – Может, все-таки нам стоит пойти, выяснить?

– Куда пойти? Вот ты всегда так – говоришь, лишь бы сказать. Куда пойти-то? Я до конца главной аллеи почти дошла – темень, дождь, ямы везде нарыты. Того и гляди куда-нибудь провалишься. И почему обязательно что-то должно случиться с ребятами? Они уже взрослые, женихи! А что… разве они до сих пор еще не вернулись?

– Нет. В том-то и дело! А уже почти одиннадцать.

– Ну для Вальки твоего это еще совсем детское время. А он сказал, куда они пошли?

– Сказал, что в дом отдыха – там Интернет-кафе какое-то открылось.

– Часа не могут прожить без своего Интернета, – Наталья Павловна покачала головой. – Нет, подруга, мы раньше не были такими. И если увлекались, то совсем другими вещами. Интересно, что все-таки случилось?

– А ты, когда с автобуса шла, ничего не видела?

– Нет, представляешь, у меня, как назло, зонт сломался. Мой последний приличный зонт. Тот, что я из Парижа привезла. Теперь раскошеливаться придется на новый.

– И наших никого нет, – Долорес Дмитриевна заломила руки. – Кто бы мог съездить, разузнать. Кстати, Леша наш машину вроде починил.

– Неужели? Наконец-то.

– Часов до пяти все с мотором возился. Потом сел и куда-то уехал.

– Куда?

– Понятия не имею. Я хватилась – творога на завтра нет, масла сливочного тоже не осталось. Думала, он приедет – довезет меня до магазина в Воздвиженское, так и не дождалась, пришлось пешком идти. Может, позвоним кому-нибудь, Наташа, узнаем?

– Кому? Ну кому мы позвоним? Роману Валерьяновичу? Он в Москве, стоит ли его из-за таких пустяков беспокоить? Волкову? Ты его сотовый помнишь?

– Ой нет, был записан у меня где-то…

– И я нет, а он ведь нам давал свою визитку. Вообще, зачем кому-то звонить среди ночи? Всегда ты, Дали, выдумаешь бог знает что. Ничего плохого не произошло. Мы ведь просто тешим свое праздное любопытство.

– Мне что-то на сердце беспокойно, Наташа.

– Брось. Это все нервы, усталость. С этим ремонтом, строительством у всех голова кругом идет. И потом, осень пришла, дождь за окном, ночь. Здесь все это острее ощущаешь, не то что в городе. В Поленове, помнишь, тоже было поначалу неуютно, а потом как мы там работали, как жили славно!

– В Поленове, Наташа, было совсем не так. И там мы пробыли всего две недели. А тут живем уже с мая. И я… я уже начала сомневаться.

– В чем ты начала сомневаться?

– Ну хорошо ли я сделала, что привезла и Валю сюда.

– Нет, лучше ему было бы остаться одному в Москве. Одному в квартире! Ну ты и скажешь тоже. Это парню-то девятнадцатилетнему!

– Нет, конечно… Я понимаю, свобода, соблазны… Но он и здесь тоже…

– Тут он работает. Слава богу, не болтается по клубам, а работает и зарабатывает деньги, занимается делом.

– Но его сверстники учатся.

– А он у тебя разве не учится на заочном?

– Учится, но… Ох, какая же это учеба? И потом этот Леша Изумрудов… Он, конечно, милый, хороший парень, но… Наташа, я давно хотела спросить тебя. Положа руку на сердце, ты… ничего не замечала за ним и за…

– Я тебе уже говорила: я ничего не замечала. Я не имею привычки следить и собирать глупые бабьи сплетни. И ради бога, родная моя, выбрось ты всю эту чушь из головы!

За окном послышались громкие молодые голоса. Услышав их, Долорес Дмитриевна встрепенулась и облегченно вздохнула.

– Идут. Оба. Как ни в чем не бывало, – Наталья Павловна сняла наконец куртку, которую до этого все не снимала. – Ну сейчас, может быть, что-то и узнаем. Может, мальчикам что-то известно про эти ночные приезды милиции.

Глава 4

РАБОЧИЙ РАЙОН

Лыковы жили на Автозаводской. Сколько себя помнил Иван Лыков – Лыковы всегда жили на Автозаводской. Возвращаясь домой сначала из школы, потом из института, затем с работы, Иван Лыков видел всегда одно и то же – мост с грохочущими по нему бензовозами и огромные цеха ЗИЛа. Первая проходная, вторая проходная, инструментальный цех, главный конвейер – вся эта автоиндустрия вызывала у Ивана Лыкова смесь восхищения и отвращения.

Для пацанов с Тюфелевой рощи, с Кожуховского затона, с Южного порта этот район был привычной средой обитания. Когда под самыми окнами дома Лыковых – пятиэтажного, еще довоенной постройки, который в 38-м был образцово-показательным домом соцкультбыта ударников производства, а начало третьего тысячелетия встречал лопнувшими трубами и осыпающейся штукатуркой, – когда под самыми окнами этого памятника эпохи «серпа и молота» строили «великое» транспортное кольцо, Иван Лыков частенько не спал ночами. Нет, не только из-за адского шума и грохота стройки. Новые пластиковые окна, заказанные и поставленные сестрой Анной, от шума как-то спасали. А вот от удушливого чувства гадливости и восторга не очень.

В сполохах сварки, в скрежете и лязге металла, в сверкающих золотом водопадах окалины рождалось из бетона и стали новое техночудо – мосты и подвесные эстакады, галереи и транспортные развязки. И все это махом наваливалось, нависало над заводскими зиловскими корпусами, срастаясь, спаиваясь намертво в единое целое. Все туже затягиваясь петлей, возводя все выше и выше непреодолимые границы жизни рабочего района и собственной, лыковской жизни внутри этого замкнутого ареала.

Не было дня, чтобы Иван Лыков не желал убраться с Автозаводской, из этого старого сдыхающего дома, от всего этого хаоса и грохота, бензиновой вони – ко всем чертям. Но каждый раз – куда бы его ни забрасывали эти самые черти дальних странствий – в Ларнаке ли на Кипре, где он отдыхал вместе с сестрой, в Сеуле, где он в качестве дилера пытался закупить партию подержанных корейских авто, в тишайшем Лесном с его реставрируемой усадьбой, заглохшим парком, затянутыми ряской прудами, – везде он (вот незадача!) смертельно тосковал, скучал и рвался домой. Куда? В свой постылый рабочий район.

В путешествиях в Средиземноморье и на Восток был кайф, в Лесном уже прочно утверждалась будущая благоустроенность и сытая нездешняя свобода поступков и желаний. Но тут, на стыке зиловских цехов и «великого»

транспортного кольца, обитала, как зверь в берлоге, та самая сила, которой втайне мечтает обладать каждый мужчина. Почти плотская сила, железная мощь, похожая на мучительный жаркий огонь в крови, что разгорается все ярче и ярче с каждой тщетной попыткой загасить его.

Возможно, все это было, копошилось, существовало где-то на уровне слепого подсознания – Иван Лыков не хотел в этом разбираться досконально, потому что…

Потому что знакомый с детства рабочий район, весь этот грохот и лязг главного сборочного конвейера и гигантской стройки каким-то тайным непостижимым образом соединялись у него в душе с образом старшей сестры Анны. Соединялись ли? Нет, скорее отталкивались от противного: вон она в окне их старой долбаной квартиры на фоне освещенных и никогда не спящих зиловских корпусов. И вот она же на фоне другого окна, смотрящего на темнеющий в лучах вечерней зари лес, на сонные пруды.

Сергей Мещерский, с которым Иван Лыков так случайно и так удивительно не случайно (как вышло впоследствии) встретился в городе Санкт-Петербурге на Невском проспекте, о жизни своего приятеля, да и о нем самом почти ничего не знал, кроме общеизвестных фактов: да, в общем-то, Ваня Лыков славный парень, легко, без особого напряга шагающий по жизни. Да, немного неудачник, как и всякая широкая артистическая натура. Да, как ни удивительно, – последний, самый последний в роду князей Лыковых, до которых, собственно, никому уже нет дела, кроме досужих историков и геральдистов. Это были чисто внешние черты, являвшиеся достоянием всех. Но под этой оболочкой скрывалась сердцевина. А в сердцевине – тайна. И в этом тоже не было ничего необычного. У кого из нас нет своих маленьких сокровенных тайн?

Нет, нет, распространяться обо всем этом Лыков не любил. И он никогда не говорил себе: я такой, потому что… Или: это произошло оттого, что… Он просто помнил один случай, перевернувший всю его жизнь. Случай этот произошел, когда он еще ходил на футбол.

Это было тоже осенью: матч кончился с разгромным счетом. Толпа фанатов, разделенная милицейскими кордонами, валила со стадиона «Торпедо» к Автозаводской. Кто тогда с кем играл – красно-белые ли с «конями» или само «Торпедо» с кем-то из вечных несгибаемых чемпионов, не суть важно. Важно то, что матч продули, и часть фанатов, прорвав с горя оцепление, хлынула на

набережную и под мостом сошлась лоб в лоб с другой толпой фанатов.

Иван Лыков вместе со своими, где были все как один правильные четкие пацаны с Тюфелевой рощи, с Кожуховского затона, со станции Москва-Сортировочная, с утренней зиловской смены и с Южного порта, тоже оказался под мостом. Ему было восемнадцать, и он догуливал свою последнюю неделю до призыва.

Драка под мостом была такой, что для ее разгона были стянуты милицейские наряды со всех ближайших округов. Но это лишь добавило дравшимся с той и другой стороны свирепости и задора. В общей свалке Лыкову кто-то разорвал мочку уха, выдрав только недавно (перед самой призывной комиссией) вдетую медную серьгу. Лыков получил еще и несколько ударов свинчаткой по ребрам, упал, и его наверняка бы затоптали, если бы не сестра Анна.

Каким чудом она оказалась тогда на набережной? Она уже заканчивала институт, у нее был дружок-студент, с которым она проводила все свободное время, постоянно мотаясь по каким-то выставкам, реставрационным мастерским и тусовкам. А тут вдруг раз и…

Иван помнил, как в приемном покое, когда он, окровавленный и несчастный, лежал со своими треснувшими ребрами на больничной каталке, сестра металась возле него, и плакала, и держала его за руку, и ругала сумасшедшим дураком, и тут же испуганно, нежно заглядывала в глаза: «Тебе больно? Ну потерпи, чуть-чуть потерпи». Она тормошила его, и целовала, и снова ругала, и опять плакала…

Ивану Лыкову отчего-то всегда хотелось думать, что это именно Анна спасла его тогда. Хотя это было и не так. И он вовсе не умирал смертью героя. Ему натуго забинтовали грудную клетку после рентгена, промыли и зашили мочку уха, сказав: «До свадьбы заживет».

Чьей вот только свадьбы?

А потом шло время, и Анна все собиралась и собиралась замуж за своего студента, но он на ней так и не женился. Лыков готов был убить его и вместе с тем испытывал странное облегчение, граничащее со счастьем.

После смерти матери они с Анной жили вдвоем в своей старой квартире. Чисто внешне все было опять же как у всех. У Анны за эти годы было несколько мужчин, и, как говорится, без особых последствий. У самого Лыкова тоже были женщины. В женщинах ведь вообще нет недостатка. Выезжайте вечером на Ленинградку, выбирайте любую – на час, на ночь.

Что-то такое бредовое в качестве возможных планов насчет сестры и Сергея Мещерского Лыков слыхал от всеобщей чокнутой тетушки Евгении Александровны. Но всерьез этому значения не придавал и не беспокоился. Мещерский с его наполеоновским ростом и деликатной робостью в обращении с противоположным полом был не соперником.

Кому не соперником?

Этот вопрос Лыков себе задавать не любил. Такие вопросы были опасны. Но потом настала новая эпоха – эпоха Лесного, ознаменованная приездом Романа Валерьяновича Салтыкова. И жизнь Анны резко изменилась. Жизнь Ивана изменилась тоже. А тайна стала глубже, острее, перейдя в сферу совсем уж каких-то смутных, разрушительных грез, где на фоне двух разных пейзажей – чугунно-заводского и умиротворенно-усадебного, всегда был один и тот же образ. А прочие просто не существовали.

Анна любила вечерами подходить к окну. Что она видела там в темноте, среди слепящих огней? Что она видела там сейчас, после их последней поездки в Лесное к Роману Салтыкову?

Когда Иван вошел в комнату, сестра сидела на подоконнике, смотрела на мост, на автостраду.

– Хорошо пробежался? – спросила она, не оборачиваясь.

– Нормально.

Лыков с некоторых пор, чтоб держать себя в приличной форме, не дрябнуть мускулатурой, не набирать вес, каждый вечер пятницы и выходных бегал по набережной Москвы-реки.

– Дождик идет?

– Был, но перестал.

– Ты, наверное, промок? Там чистое полотенце в ванной. Возьми.

– Спасибо.

– Ужинать будешь?

– А ты, Ань?

– Я? – она вдруг резко обернулась. – Знаешь, мне Наталья Павловна только что звонила – в Лесном… несчастье.

– Да? Какое же несчастье? – спросил Иван.

– Убийство. Убили священника. Того самого, которого Роман приглашал на освящение дома, – отца Дмитрия. Это случилось вчера вечером. А сегодня все уже знают, вся округа – Наталья Павловна так говорит. Она очень расстроена, сказала, что этот отец Дмитрий…

– Кого-то всегда убивают, Аня.

– Наталья Павловна мне сказала, что он был сильно встревожен тем происшествием в церкви – ну помнишь, про которое они нам рассказывали?

– Чепуха все это.

– Но ведь его убили, Ваня.

– Тебя это беспокоит? Ты видела его всего пару раз. Или ты расстроена чем-то другим?

Анна сразу же снова отвернулась к окну. Она пряталась от него, как улитка в свою раковину. Он помедлил. Потом подошел к ней, положил руку на плечо.

Давно, в детстве, они обнимались запросто, а теперь каждый раз он делал над собой усилие, чтобы этот жест не выражал ничего, кроме братского участия и заботы. Сестра была старше его, но, когда рука его лежала на ее плече, он чувствовал себя взрослым мужчиной, а ее ощущал маленькой, беззащитной Дюймовочкой, хотя она была одного с ним роста и умела постоять за себя.

– Роман тебе не звонил? – спросил он.

– Нет. В Лесном его нет, – ее голос звучал обиженно и сердито.

– Ну раз он не обеспокоился смертью какого-то там священника, чего же тебе так волноваться?

– Ваня, нам надо съездить туда. – Она дернулась, чтобы высвободиться. Лыков ощутил аромат ее духов.

– А Салтыков тебя приглашал?

– Нет, но…

– Конечно, мое дело десятое. Но, может, не стоит тебе так часто там маячить?

– Какой ты стал грубый, Иван. Мне порой просто не хочется тебе ничего…

– Говорить? – Лыков отошел, сел на диван. – Ты очень хочешь видеть его?

– У него… у Романа могут быть неприятности в связи с этим убийством.

– Какие неприятности?

– Ты знаешь какие.

– Я? Я ничего не знаю. У тебя с ним, Аня, все какие-то секреты.

– У тебя от меня тоже секреты.

– Но я твой брат. Я родной тебе человек.

– Он тоже не чужой, знаешь ли.

– Не чужой, – Лыков криво усмехнулся. – Это ты знаешь. И я. А он – наш обожаемый Роман Валерьянович – этого не знает.

– Ну и пусть. Настанет время – узнает.

– А если узнает, да не захочет?

– Ты как-то странно со мной разговариваешь. Я даже не пойму. Откуда у тебя столько злости, столько неприязни к Салтыкову? Ты ему завидуешь? Завидуешь, да? Его деньгам, его возможностям? Ах, Иван, – Анна покачала головой, – какой же ты все-таки…

– Какой? – спросил Лыков. – Ну скажи, какой у тебя брат.

– Ладно, давай кончим этот глупый разговор. Ты будешь ужинать?

– Если это для тебя так важно, поедем туда, в Лесное, хоть сейчас, на ночь глядя. Хочешь, завтра с утра.

Анна посмотрела на брата. Лыков слишком хорошо знал этот взгляд. В нем было все, но не было самого главного, того, что он хотел бы увидеть.

– Завтра? Нет… Я не могу, мне надо на работе договориться.

– Салтыков клиент вашего салона. Золотой клиент. Кто же тебя не отпустит?

Она смутилась. Лыков видел: он все-таки достиг цели словечком «маячить».

– Ну решай сама, – великодушно предложил он (огорчать ее, унижать ее гордость было больно, хотя без этого уже было не обойтись). – Скажешь когда – я тебя отвезу.

Она осталась у окна. А он пошел на кухню, открыл холодильник. Включил телевизор – спортивный канал, футбол. За стеной у соседей в этот вечер тоже смотрели футбол. Вообще в районе Автозаводской, ЗИЛа, Кожуховского затона и Южного порта футбол был главным лекарством на все случаи жизни.

Глава 5

МОРЕ ЖИТЕЙСКОЕ

Вы молоды и очень любопытны. Больше всего на свете в данный момент вам хочется знать, кто и почему убил священника дождливым осенним вечером. А у вас муж – верный, но до ужаса капризный спутник жизни, ревниво требующий к себе безраздельного внимания. У вас завал работы, потому что сотрудников в пресс-службе кот наплакал, а газет и журналов сотни и тысячи. И все ежедневно, ежечасно рвут вас на части, требуя эксклюзивный и непременно сенсационный материал.

Каждое утро в пресс-центре главка трезвонят телефоны, и десятки репортеров повторяют один и тот же нудный вопрос: что случилось за сутки? Кого убили? Кого изнасиловали? Как, никого не убили? Все было тихо? Да как же это?! Вы нас, многоуважаемая Екатерина Сергеевна, просто без ножа режете!

Екатерина Сергеевна, или для друзей просто Катя, в это утро примчалась на работу рано. Начальник отдела убийств Никита Колосов «убывал», как говаривали в этих случаях в главке, в бессрочную командировку в Тутыши сразу после совещания у руководства. Надеяться, что он позвонит сам и возьмет с собой в Тутыши представителя пресс-службы, было наивно. Катя и не надеялась. Она просто терпеливо караулила Колосова в вестибюле, то и дело поглядывая то на электронное табло на стене, то на свои часики, которые спешили на пять минут.

Наверху в родном кабинете оставались брошенными на произвол судьбы два неоконченных криминальных очерка и одно важное интервью для «Вестника Подмосковья». Чтобы не терзаться по поводу несделанного, Катя, как обычно, прикрылась словно щитом любимым афоризмом Скарлетт О'Хара: «Я не буду думать об этом сегодня. Я подумаю об этом завтра».

Однако было и еще кое-что, о чем думать завтра было просто невозможно. Этим кое-чем был муж Вадим Андреевич Кравченко, именуемый на домашнем жаргоне «драгоценным В.А.».

У «драгоценного», не состоявшего на госслужбе, а зарабатывавшего свой нелегкий хлеб в качестве начальника личной охраны небезызвестного в столице предпринимателя Василия Чугунова, был скользящий график выходных. И это создавало большие проблемы, потому что очень часто его выходные не совпадали с выходными Кати. Когда «драгоценный» отдыхал, это обычно выливалось у него в шумную расслабуху в компании закадычного друга детства Сергея Мещерского.

Мещерский недавно вернулся из Питера и уже настойчиво подавал признаки жизни: звонил другу Кравченко и отдельно, особо – Кате. Было решено встретиться в первый же общий выходной, и каждый предлагал свой собственный план посиделок. Катя предлагала мирно и скромно собраться дома за столом (благо Мещерский и сам обожал возиться на кухне, а посуду могла вымыть и посудомоечная машина). Кравченко, любивший сорить кровно заработанными на ответственной должности телохранителя деньгами, звал скоротать вечер в ресторане – в «Кавказской пленнице», например, или же в грузинском погребке на Остоженке. Мещерский, хорошо помнивший, чем закончилось последнее коротание времени в погребке (Кати с ними не было), деликатно намекал, что лучше и безопаснее всего совершить выезд на природу, если, конечно, погода позволит. Полюбоваться, как лес теряет багряный свой убор, потомить шашлыки на мангале, прокатиться на нанятой моторке по каналу имени Москвы и вообще вдохнуть полными легкими свежего воздуха, аппетитно приправленного ароматом дыма походного костра и коньяка из заветной фляжки.

Катя знала: «драгоценный» со своим дружком детства все равно переспорят ее, но особо не переживала. До выходного еще надо было дожить. А пока больше всего на свете ее занимал вопрос: кто же убил старого священника в этих безобидных дачных Тутышах и что из всего этого расследования получится?

Всем этим она попыталась поделиться с «драгоценным В.А.», но он только плечами пожал: «Убили? Ну и земля пухом. Мало ли этих убийств? Каждую неделю вон строчишь – только успевай. Чего ж так переживать-то?»

Казалось, «драгоценный» мыслил крайне примитивно, но на деле всегда оказывалось – здраво, дальновидно и, что называется, житейски-мудро. Катя часто в этом убеждалась, но все равно это его равнодушие порой ее сильно раздражало. Но через секунду она уже говорила себе: а ты сама разве не черствая, не равнодушная? Разве так уж тебе жаль этого несчастного отца Дмитрия? Тебе просто интересно, потому что это новая тема, новое событие, новый материал. А насчет жалости – это все пустые слова. Шелуха.

Шелуха?

Катя увидела, что Колосов спускается по лестнице. Неужели и для него все это тоже шелуха? Издержки профессии?

– Ой, Никита, привет. А ты почему опаздываешь? Я тебя жду.

«Ой, Никита» – это было уже традицией. Колосов замер на ступеньках. Таким тоном вас упрекают, когда вы опаздываете на любовное свидание. Но ему лично вроде бы сегодня утром в вестибюле главка под недремлюще-зорким взглядом дежурного никто любовных свиданий не назначал. Или все же назначили вполнамека – вчера, темным дождливым вечером в машине по дороге с места происшествия?

– Новости есть? – алчно спросила Катя. – Может быть, там уже кого-то задержали? Подозреваемого?

– Никого пока не задержали. А ты куда же это… – Колосов едва не произнес «намылилась», но вовремя прикусил язык, – собралась?

– Как куда? С тобой в Тутыши, – Катя доверчиво просунула руку ему под локоть и повлекла на улицу. – Название какое, а? Словно глупыши. Ну что ты такой сумрачный, Никита. Ты совсем-совсем не рад, что я с тобой еду?

– Зачем едешь-то?

– Смотреть, как ты… как вы все там работаете, как ты гениально раскрываешь зловещее убийство. Ты же вчера сам сказал, что ты не против, чтобы и я тоже участвовала, собирала материал.

– Я пошутил. Вчера.

– Иногда я просто ненавижу тебя, – Катя остановилась. – Будешь так с людьми обращаться, один останешься. Один как пень.

– Я и так один, – Колосов открыл свою «девятку». – Ну что стоишь, садись. Только учти – это прогулка на целый день. Работы полно. Дело умники из министерства на особый контроль взяли. Допоздна, может, задержимся. Муж твой как, не забеспокоится? Еще телефон обрывать начнет.

– Насчет мужа можешь не волноваться так сильно, – отрезала Катя, усаживаясь на заднее сиденье. – И вообще, если будешь говорить со мной таким тоном, то…

– Что? – спросил Колосов, включая зажигание. – Ну что будет?

Катя не ответила. И этот еще туда же! Чего только не вытерпишь, стремясь узнать самое главное на данный отдельный момент: кто и почему убил скромного служителя культа на сельской дороге?

Но долго не разговаривать она не могла. А потому уже спустя минут пять спросила сама:

– А что за место такое эти Тутыши? Ты вчера говорил – там кругом люди живут. Кто живет-то?

– Тутыши – деревня. Летом в основном дачники приезжают, осенью одни старики остаются. Воздвиженское – поселок неподалеку. Там мебельная фабрика, молокозавод, детский летний лагерь, дом отдыха. Дач в округе полно, железнодорожная станция. Автобусы ходят из Москвы, Бронниц, Коломны. Ну и потом Лесное.

– Что Лесное? – спросила Катя.

– Место такое.

– Тоже поселок?

– Да нет, не поселок. Больница, я знаю, там раньше была. Общеобластная.

– Какая больница?

– Психиатрическая, – ответил он. – Психушка на отшибе. Ее в начале девяностых за нехваткой денег закрыли, больных по другим местам рассовали. Здание какое-то время было заброшено, пустовало. А сейчас его кто-то арендует.

– Бывшую психбольницу?

– Это старинная усадьба. Больницу там после войны устроили. Усадьба, конечно, в полном упадке. Но вот кто-то нашелся – арендовал.

– Интересно взглянуть на человека, который захотел жить в таком месте. Я бы, наверное, не рискнула, – усмехнулась Катя.

– Почему?

– Так. Сельский бедлам.

– Глупости. Но шанс взглянуть на Лесное у тебя будет, обещаю. Сегодня утром мне Кулешов звонил: они выяснили у родственников отца Дмитрия, что как раз накануне убийства тот был приглашен в Лесное, чтобы освятить реставрационные работы. Так что с обитателями этого, как ты называешь, бедлама нам все равно придется встретиться.

В Воздвиженском в местном отделении милиции на оперативной летучке, проведенной Колосовым, все было как обычно: что, кто, где, когда. Катя вела себя тихо, как мышка, ни во что не вмешивалась. Слушала, смотрела, запоминала. Она давно уже убедилась, что есть две большие разницы: писать очерк о расследовании того или иного дела с чьих-то слов (пусть даже об этом наперебой рассказывают непосредственные участники и очевидцы) и писать тот же очерк, лично наблюдая за процессом с самого начала. Правда, во втором случае всегда имелся риск оказаться в конце всех трудов у разбитого корыта. Ведь в начале процесса расследования никто, даже самый опытный профессионал, не может сказать, что случится в конце и будет ли в деле толк и смысл. Угадывать легко лишь в бульварных романах, а жизнь обожает

разочаровывать даже самых искушенных угадывателей истины.

После летучки, очертя вкратце пока еще зыбкие и размытые рамки поиска, Колосов решил съездить к родственникам отца Дмитрия. Точнее, к его родной сестре, потому что остальные проживавшие в его доме «бабки», как выразился начальник отделения милиции Кулешов, «в силу своего преклонного возраста и умственного состояния оказать помощь в раскрытии убийства вряд ли смогут».

Колосов решил насчет помощи и умственного состояния гражданок выяснить все сам. Надо же было с чего-то начинать.

Катю же больше всего занимали окрестности. При дневном свете все здесь выглядело совсем не так угрюмо, как показалось вчера. Но весь пейзажик укладывался в строчки: «нивы сжаты, рощи голы». День был к тому же хоть и теплый, но серенький и скучный. В Воздвиженском по главной (и единственной) улице бродили козы, а жизнь каким-то образом проявляла себя лишь у опорного пункта милиции (оно и понятно – ЧП, убийство!) и у продуктового магазина.

Дом отца Дмитрия располагался не в самом Воздвиженском, а рядом с церковью мучеников Флора и Лавра, которая, в свою очередь, была построена в незапамятные времена у местного кладбища. Ехать было недалеко. За окном машины мелькали пейзажи Левитана. После Москвы все выглядело пришибленным и грустным, набухшим дождевой влагой.

Церковь возникла неожиданно из-за поворота дороги. Вокруг росли сосны и ели. За церковной оградой лежало маленькое кладбище. На другой стороне дороги на склоне холма виднелись дома.

Сама церквушка, приземистая, вросшая в землю, хранила на себе следы недавнего ремонта и была совсем простенькой, без затей: зеленые купола-луковки, низенькая колокольня, побеленные известкой стены. Чуть в стороне – тоже приземистый одноэтажный кирпичный дом под оцинкованной крышей. Катя насчитала ровно шесть окон, и в каждом – кружевной старозаветный тюль и герань, голубая гортензия и фикус на подоконнике.

Впечатление от этой сельской палестины было такое, словно вы уже были здесь когда-то и все это видели, уехали, не обещая вернуться, и вот неожиданно для себя вернулись.

Сам дом отца Дмитрия Катю очень заинтересовал. Двери им открыла согнутая старушка вся в черном. Увидев удостоверение, она всплеснула руками и запричитала: «Убили, ой, убили!» Это, как оказалось, была одна из дальних родственниц покойной жены священника, восьмидесятитрехлетняя бабушка Соня. За бабушкой Соней в прихожую, где было не повернуться от отягощенной одеждой вешалки, источавшей запах воска и ладана, высыпали семидесятипятилетняя бабушка Маша и восьмидесятилетняя бабушка Павлуша (по паспорту Паулина Дементьевна Малинович-Лансере). На шум из боковой комнаты на костылях выползла и совсем ветхая девяностопятилетняя бабушка Ля (по паспорту Леокадия Платоновна Сварожич, приходившаяся тещей покойному).

Старушки обступили Колосова и Катю со всех сторон и, заливаясь горькими слезами, начали наперебой давать путаные и противоречивые показания. Иначе эту сцену казенным милицейским языком и описать было нельзя. И вообще этот дом, с узкими, точно пеналы, комнатками, высокими потолками, крашенными охрой полами, огромной жарко натопленной печкой и клеткой с волнистыми попугайчиками на крышке старого пианино, был таким до боли несовременным, беззащитным, осиротевшим и уютным, что у Кати вдруг сжалось сердце.

Отец Дмитрий – и это было ясно с первого взгляда – был обожаемым центром этой крохотной, обособленной от остального мира вселенной. И он же был ее главным стержнем и опорой. И вот этой опоры не стало.

Сестру отца Дмитрия шестидесятилетнюю Зою Ивановну известие об убийстве брата довело до сердечного приступа. Она лежала в своей комнате, Колосова впустили туда одного. С Зоей Ивановной он беседовал около часа. А Катя пыталась разговорить старушек, но они вели себя как-то странно. Например, восьмидесятилетняя бабушка Павлуша – Паулина Дементьевна Малинович-Лансере твердила сквозь слезы: «Говорила, говорила я Митьке – не дело затеял. А он все свое, все свое. Упрямый стал, старый, вот и доупрямился, эх!» На что семидесятипятилетняя бабушка Маша с горечью возражала: «Бога побойся, он по-христиански поступал. А как надо было? Все камни бросали, и он бы свой бросил?»

«Тетерки! Как есть тетерки глухие, опять за свое: надо было, не надо было, – сердилась девяностопятилетняя бабушка Ля, теща, дергала слабенькой высохшей ручкой Катю за рукав куртки. – Наклонись-ка ко мне, девочка. Ты их не

слушай, они из ума выжили. Ты меня слушай. Кто сотворил зло, тот и ответит. Вы его арестуйте только, сей же час арестуйте!»

– Да кого надо арестовать-то, бабушка? – осторожно спросила Катя.

– Да Кирюшку Мячикова – развратника, душегуба! – хором гневно вскричали старухи. – Кирюшку – бестию бесстыжую! Он это, он – больше-то некому! У кого б рука на отца нашего благочинного поднялась?

Катя отметила, что для кого-то отец Дмитрий в этом доме был «отец благочинный», а для кого-то просто Митька. Но в деле что-то сдвинулось с мертвой точки, и это было так неожиданно, что и верилось с трудом. Но, по крайней мере, уже трое свидетелей прямо называли фамилию первого подозреваемого в убийстве – некоего гражданина Мячикова.

– Где можно найти этого Мячикова? – спросила Катя: эх, где наша не пропадала? А вдруг? Пока там Никита разговоры разговаривает, она возьмет и лично задержит преступника!

– Щас, как же, найдете вы его, проклятого… Его, наверное, и след уж давно простыл, – обнадежили ее старухи, заволновались не на шутку. – Прежде-то он все при церкви терся – плотничал, столярничал. Наш-то, наш-то отец благочинный такую змею пригрел на груди!

Катя решила, не откладывая, пойти к церкви – а вдруг этот Мячиков все еще там?

– Будьте добры, выпустите меня, – попросила она. И старушки (даже девяностопятилетняя теща, громко стуча костылями) повлекли ее через весь дом к выходу. Миновали комнату отца Дмитрия, и Катя невольно остановилась: сколько книг! Стеллажи от пола до потолка везде. У настоятеля была обширная библиотека. А кроме книг, в комнате был только простой письменный стол с пишущей машинкой, икона Заступница Казанская в красном углу, вытертый ковер на полу да картина в духе передвижников на какой-то духовный сюжет.

Время в этом доме словно остановилось. Вот только когда именно? Машинка «Роботрон» на письменном столе была из семидесятых, коричневые с золотом корешки «Церковной истории» из девятисотых? А пожелтевшие военные

фотографии в рамках? А православный календарь на стене с многолетием еще патриарху Пимену и русским иерархам? Он из каких времен?

Катя, сопровождаемая старухами, прошла и мимо комнаты, где Колосов, сидя на краешке кровати, беседовал с лежавшей на высоких подушках сестрой отца Дмитрия. Из комнаты пахло валокордином и мятой.

– Нет, нет, что вы, – донеслось до Кати. – У него не было врагов. Никогда. Мы живем тут уже тридцать лет. Всех знаем, все нас знают. У него никогда не было врагов, он любил людей, и люди платили ему тем же.

Любил людей… Катя вздохнула: кто вообще сейчас говорит так? Никто, кроме больной сестры священника – старой девы с бледным фарфоровым личиком. Катя вышла на улицу. За домом располагался хозяйственный двор, огород: пустые, аккуратно вскопанные грядки – урожай с них давно уже был собран, поленница дров, баня. В птичнике за сеткой квохтали куры, гоготали гуси. Из зеленой будки вылезла лохматая собачонка и, не обращая никакого внимания на Катю, начала ловить у себя зубами блох.

Церковь была совсем рядом. Кате надо было сделать каких-то двадцать шагов, но ее опередили. На дороге перед церковью остановился невзрачный серый «Москвич». Из тех, что, кажется, именуются «Святогорами». Из него гремела музыка «Король и шут», облачком взмывала над куполами-луковками. За рулем Катя увидела парня лет двадцати – симпатичного блондина в яркой красной куртке. Рядом сидел его ровесник, он наклонился, видимо, меняя кассету в магнитоле, а когда выпрямился, оказался тоже блондином – на вид не по возрасту серьезным. Хлопнув дверцей, из «Святогора» вышла женщина – высокая, стройная – и опять-таки блондинка – лет тридцати с небольшим, одетая изящно и стильно. Даже слишком стильно – в замшевую куртку, твидовую юбку и бежевый свитер. От осеннего ветра блондинка грациозно куталась в кашемировый палантин из тех, которые предложил в этом сезоне модницам дом «Кристиан Диор».

– Если не окажется чего-то, что есть в списке, – позвоните мне из магазина, – донесся до Кати громкий уверенный голос блондинки. – Мы прикинем, чем можно будет заменить. Леша, ты слышишь меня? Обязательно мне позвоните, чтобы я знала. И вообще, возьмите там каталог.

– Марина Аркадьевна, они каталога на руки не дают, – возразил парень, что сидел на пассажирском сиденье.

– Какие глупости, Валя, почему не дают? Обязаны дать. Короче, звоните мне оттуда, если что. Я сама договорюсь. Ну все, пока. Езжайте осторожно, не гоните сильно. – Блондинка Марина Аркадьевна, подхватив замшевую сумочку и запахнув разлетающийся палантин, кивнула парням и направилась прямо к церкви. «Святогор» газанул и умчался. Марина Аркадьевна взглянула на купола-луковки, извлекла из сумки шифоновый золотистый шарфик, набросила себе на голову, затем, словно вспомнив о чем-то важном, достала телефон и кому-то позвонила.

– Между прочим, я торчу здесь уже полчаса, где тебя носит, Данька? – донесся до Кати ее голос, из повелительно-веселого, каким она разговаривала со своими молодыми спутниками, ставший повелительно-злым. Неведомый Данька получил выволочку пополам с явной ложью: с момента, как Марину Аркадьеву высадили у церкви, прошло минуты две, не более. – Короче, мне ждать или не ждать тебя? – раздраженно спросила она, и неведомый Данька на том конце, видимо, горячо заверил: ждать.

Марина Аркадьевна сунула телефон в сумку и с видом человека, выполнившего свой долг, вошла под тихие церковные своды. Катя поспешила следом. Сумрак, прохлада, верхний свет погашен, и ни души. Никто не караулил свечной ящик и церковную копилку от воров. Следов подозрительного гражданина Мячикова тоже не было видно, и спросить было некого.

Блондинка Марина Аркадьевна положила на стол для записок деньги и взяла свечи. Катя подождала – не появится ли кто в церкви, но никто не появился. Марина Аркадьевна подошла к иконе Жен-мироносиц. Она явно не торопилась. Задумчиво смотрела на огонек свечи. «Интересно, знает ли она, что настоятель этой церкви вчера убит?» – подумала Катя.

Хлопнула дверь – сквозняк. Но Катя все же пошла глянуть – сквозняк ли? На дороге, взвизгнув резиной, затормозил пыльный черный джип. Из него выскочил как ошпаренный солидный краснолицый мужчина. Озадаченно огляделся по сторонам, явно кого-то ища. Вид у него был растерянный, и эта растерянность, почти испуг, совсем не вязалась с его мощной фигурой и увесистыми кулаками. И тут появилась Марина Аркадьевна.

– Сколько можно ехать? – с ходу набросилась она на него. – Я уже хотела попутку ловить!

– Мариночка, милая, но в чем же я виноват? Меня рабочие задержали, и потом, ты сказала, что позвонишь, я и ждал, – нервно ответил незнакомец по имени Данька – это был явно он. – Ну все, все, садись, пожалуйста.

Блондинка хлопнула дверью джипа с такой силой и злостью, словно хотела отомстить бедной иномарке и ее хозяину за что-то. Хотя было неясно за что. Данька, словно невольник, с убитым видом плюхнулся за руль. И они уехали.

Катя вновь осталась одна. Дом священника, церковь, вековые ели, дворняжка на цепи у будки…

Кто были все эти люди, только что появившиеся и исчезнувшие? Здешние, приезжие, местные, чужие? Пригодятся ли в будущем в деле об убийстве хотя бы их имена?

Не успела Катя это подумать, как появился еще один незнакомец. Старческой прихрамывающей походкой он почти бежал со стороны огорода – седенький, пожилой, похожий на гнома в кепке. Задохся, остановился, истово перекрестился на купола-луковки и точно в прорубь нырнул в дом. Катя обогнула церковь – нет ли кого-нибудь на заднем дворе? Нет. Сарай, запертый на замок, верстак, поленница дров, какие-то бочки. Она хотела вернуться снова в дом, переговорить с Колосовым, но он вместе со стариком вышел на улицу сам.

– Нет, ну что вы, помилуй бог, – донесся до Кати взволнованный голос старичка. – У отца Дмитрия здесь не было врагов! Более уважаемого человека трудно было найти во всей нашей округе.

– Вот, Екатерина Сергеевна, познакомьтесь. – Колосов чинно и официально представил Катю. – А это Захаров Алексей Тимофеевич, друг потерпевшего.

– С давних времен дружили. Сам-то я был директором школы в Воздвиженском – почти четверть века был, да… Сейчас на пенсии, школу закрыли. А отец Дмитрий все эти годы был нашим пастырем, кормчим в бурном море житейском. Совета, помощи, утешения многие у него искали. И находили, да… И вот такое горе, такая беда. – Захаров смахнул ладонью с глаз слезы. – Я вчера вечером, как

узнал от милиции, прямо не знал, что делать, куда бежать…

– Алексей Тимофеевич, а что за человек был отец Дмитрий? – спросил Колосов.

– Хороший, замечательный человек, истинный духовный пастырь. Его все знали, любили. Как праздник какой – все из районной администрации, из города к нам сюда. А на Пасху, на Рождество – вы бы поглядели… И больницы он посещал, и дома престарелых, и православно-просветительские лекции читал, и в тюрьме сидевших поддерживал – раз в месяц обязательно ездил. А крестил как – душа радовалась смотреть. Милицию всю крестил, пожарную команду нашу. Я вот у него внуков крестил, Притворовы – соседи мои – вообще всей семьей. Язычники же мы все были, безбожники, и край наш благословенный, увы, в язычестве и неверии погряз.

– При отце Дмитрии обнаружена крупная сумма денег в портфеле, – перебил его Колосов. – Не знаете ли вы, что это за…

– Бандиты не взяли деньги? – Захаров испуганно-изумленно воззрился на Колосова. – Как же это? Неужели они не взяли?!

– Нет, деньги мы обнаружили в портфеле возле тела. Сорок три тысячи рублей.

– Конечно же, я знаю, я скажу вам, но как же это странно… Что же это, а? За что же его тогда убили? – Захаров тревожно моргал. – А деньги… это пожертвование. Точнее, часть пожертвования. Другая часть лежит в банке на счету храма. Он в город-то поехал – как раз за деньгами и поехал.

– Отец Дмитрий поехал в Коломну?

– Нет, нет, в Бронницы. Там отделение Сбербанка. Там и счет нашего храма. Дело в том, что все это пожертвование в шестьдесят тысяч рублей на реставрацию внутреннего убранства церкви сделано лично Романом Валерьяновичем Салтыковым, тем, который из Франции приехал и занялся восстановлением имения своих предков в Лесном.

– Так там же у вас вроде психбольница была раньше, – сказал Колосов.

– Была, сколько лет была, но лет десять уж как закрыли ее. Больных там уже никакой возможности не было держать – все просто рассыпалось от ветхости. И вот два года назад мы с отцом Дмитрием новость узнали: вроде приезжает из-за границы, из Франции аристократ, потомок последних владельцев усадьбы, которые после революции сбежали. Мы думали – старик какой-нибудь. Оказалось, нет – молодой мужчина. Русский по происхождению. В Лесное комиссии приезжали из Министерства культуры и Фонда возрождения. Даже от монархического какого-то союза делегация была – все вместе с Салтыковым Лесное осматривали. Отец Дмитрий от епархии приглашен был. У этого Салтыкова средства большие, капитал за границей, вот он на свои деньги и пожелал отреставрировать Лесное, с тем чтобы сделать там что-то вроде музея семейного или заповедника, уж и не знаю, как это теперь называется по-новому – культурный центр по связям с зарубежьем, что ли. Работы в апреле этого года начались. А сейчас там уже и не узнаешь места. А ведь было-то страх, ужас – разруха, запустение, лебеда да чертополох. Ну а церкви нашей, приходу Салтыков тоже решил деньги пожертвовать – у него на нашем кладбище, кажется, прадед троюродный схоронен и еще кто-то из родственников. Как раз в среду накануне кончины своей трагической отец Дмитрий в Лесное приглашен был освящать начало восстановительных работ в парке. Там ведь когда-то в оные времена парк был чудесный старинный – пруды, гроты, павильоны восемнадцатого века. Теперь все в руинах лежит. Так вот там, в Лесном, и узнал отец благочинный наш от Малявина, что деньги на счет храма уже перечислены. Ну и вчера после обедни собрался и поехал на автобусе в Сбербанк. Наталья Павловна Филологова при мне с ним разговаривала – мол, в эту субботу из Москвы художница-реставратор подъедет. У нее, у Филологовой-то, много реставраторов знакомых. Поэтому отец Дмитрий и поспешил за деньгами, чтобы было чем реставратору задаток дать, если бы они через посредство Натальи Павловны договорились насчет работ и для храма.

– Понятно, – сказал Колосов.

– А кто такие Малявин и эта Наталья Павловна? – спросила с любопытством Катя.

– Наталья Павловна всеми реставрационными работами в Лесном руководит. Она из Москвы, Салтыков ее пригласил. Доктор она искусствоведения, профессор. Очень умная и образованная женщина. А Малявин Денис Григорьевич наш, здешний, из Воздвиженского. Я его родителей еще знавал. Он предприниматель был. Хорошо начал, широко замахнулся, да что-то дело не пошло у него. Сейчас он у Салтыкова управляющим стройкой работает. Этот-то, из Франции, эмигрант,

барин, одно слово, с Россией-то только по книгам знаком да по фильмам. Разве ему разобраться с нашими-то? Что, как? Ведь он как дитя малое, обдерут его как липку тут. А Малявин парень пробивной. Разорился не по глупости, не по дури, а, говорят, через любовь. Женщина ему попалась с характером, с запросами большими. Вот он сейчас в Лесном всем и заправляет.

– А откуда вы сами узнали, что отец Дмитрий поехал в Бронницы в Сбербанк? Он вам сам об этом сказал? – спросил Колосов.

– Сам утром. Радостный был такой, довольный. Я, говорит, Алексей Тимофеевич, съезжу, а в субботу, дай бог, с реставратором договоримся о ремонте. А кому ж ему говорить больше, как не мне? Я ведь тут староста церковный.

– Он один поехал?

– Наверное, один, а с кем же? Автобус в полтретьего по расписанию, – Захаров вздохнул. – Эх, если бы знать, а то… По времени туда минут сорок, там, в Сберкассе – если очередь, столько же, да обратно. Как раз около шести где-то только на остановке нашей сойдешь, а оттуда еще пешком.

– Машины у отца Дмитрия не было?

– Нет, не имел он машину. Велосипед имел, катался. Вон он в сарае стоит. Он, отец наш благочинный, как академик Иоффе, здоровье укреплял.

– А он часто ездил к этому вашему спонсору в Лесное? – хмуро спросил Колосов.

– К Салтыкову? Нет, зачем часто? Там стройка ведь идет, потом, и Салтыков человек занятой, и отец Дмитрий тоже занят был делами церкви, прихода. В апреле, когда начало восстановления дома освящали – был, и вот в эту среду, когда в парке работы начались, тоже освятить был приглашен. Из Лесного сюда в нашу церковь они сами чаще приезжают, женщины особенно – на Пасху были, потом на Троицу.

– А что там, в Лесном, то и дело освящать-то? – перебил Захарова Колосов.

Старик как-то замялся – или это только показалось наблюдавшей за ним Кате?

– Ну все же скорбное было там раньше заведение – психиатрическая лечебница общеобластная. Но дело даже не в этом. Дело в том, что после того кошмарного случая, хотя и прошло столько лет, это было просто необходимо сделать.

– После какого случая? – спросила Катя.

– Ну как же, дикая история. Сколько милиции тут у нас тогда было… Хотя вы молодые, вы тогда не работали еще и вряд ли знаете об этом случае. А мы тут все так тогда напугались, так настрашились.

– Да что случилось-то в этом Лесном? Когда? Давно? – Колосов достал из кармана куртки блокнот. Катя знала – это был особый блокнот начальника отдела убийств. Заменить его не могли ни официальные протоколы, ни оперативные диктофоны.

– Давно. Погодите-ка… Да, точно – как раз в тот самый год и в тот самый день, когда Брежнев умер Леонид Ильич. Ноябрь был – как сейчас помню, только праздники отошли. У нас тут в Воздвиженском свадьбы играли – сразу двое моих бывших учеников женились. А тут вдруг новость страшная – главврача Луговского в Лесном убили. И как убили-то – зверски! Сначала-то с похоронами Леонида Ильича не до нас было, а потом милиции нагнали, что гороха. Солдат – да, да! Оказывается, что тот, кто убил доктора Луговского, – больной, его пациент, сбежал и где-то тут у нас по лесам в окрестностях скрывался. Ой, и время было – детей боялись одних в школу отпускать, сами ходили с оглядкой. А мне наши мужики, кто понятыми были в больнице при осмотре, потом по секрету рассказывали, – Захаров понизил голос. – Там, в доме-то, в больнице, крови было, крови… И на полу, и на стенах. Нашим-то, а они не какие-нибудь чахлые, городские, а и то дурно сделалось, как увидели они это. Но, слава богу, быстро все тогда закончилось. Поймали того больного, ненормального и куда-то в спецбольницу отправили по-тихому. Тогда, в восьмидесятых, конечно, ни о каком освящении здания и речи быть не могло. Поэтому теперь, когда там вновь после стольких лет запустения возобновляется жизнь, отец Дмитрий счел своим прямым долгом…

– Понятно, – Колосов кивнул. И убрал заветный блокнот, так и не записав туда ничего. История двадцатилетней давности, видимо, его не впечатлила. Катя же выслушала Захарова с великим вниманием, а потом спросила старика о том, о чем давно уже собиралась:

– Мне вот родственницы отца Дмитрия настоятельно советовали отыскать какого-то Мячикова, допросить его. А это кто такой будет? Он ваш, здешний?

Захаров смущенно кашлянул. Посмотрел на Катю растерянно.

– Вряд ли стоит придавать значение словам пожилых женщин, чьи нервы расстроены и…

– Извините, мы любые показания обязаны тщательно проверить, от кого бы они ни исходили, – возразила Катя. – Вы знаете, где этот Мячиков сейчас?

– Нет, нет, я не знаю, где он сейчас. И вообще… Он такой – иногда приходит, потом внезапно исчезает. Отец Дмитрий его жалел по-христиански, работу ему давал при церкви. Мячиков, конечно, человек очень своеобразный, можно даже сказать, богом обиженный, но чтобы он такое мог сделать – нет.

– Он не из Лесного ли часом, а? Не бывший ли пациент? – спросил Колосов проницательно, а на Катю глянул вопросительно – что еще за фигурант такой?

– Нет, он никогда нигде не лечился. Увы. Он был судим за цинизм – так это, кажется, называется, за хулиганство. Это… Извините, но я при девушке даже сказать не могу, что это такое. Что он у нас тут вытворял.

– Ну и что же он вытворял? – Колосов оглядел сонный осенний пейзаж. – Говорите, не стесняйтесь, мы на службе.

– Он… Мячиков, ведь он по специальности зоотехник был. И неплохой специалист. В агрофирме «Луч» работал. Ну потом, когда все открылось, уволили его, конечно, выгнали. Сестра его с семьей отсюда уехала со стыда в Калужскую область.

– Да что он такого сделал?

– Сначала парень был как парень. Только замкнутый, смурной. Но ничего этакого за ним не замечали. А однажды танцы у нас были тут в клубе, девушки оттуда возвращались поздно вечером одни. Идут и вдруг навстречу кто-то из кустов – шасть в макинтоше. Макинтош распахнул вот так, а там под ним – ничего.

Извините за неприятную деталь – голая возбужденная мужская плоть, – Захаров конфузливо покосился на Катю. – Тогда бесстыдника так и не поймали. Потом через пару недель женщины утром на автобус шли – на рынок ехать. Скок им опять навстречу кто-то из кустов – плащ распахнул, а там опять сплошная порнография. Тут у нас не Москва, такого безобразия наши деревенские терпеть не будут. Ну собрались мужики, решили подкараулить. И подкараулили, поймали. И что же оказалось? Наш зоотехник это с «Луча» – Кирюшка Мячиков. Поддали ему мужики хорошенько, к участковому свели. Судили его, дали три года исправработ. В деревне ему с тех пор хоть на улицу не выходи. Затравили его совсем. Хоть и за дело, но все же человек. Отец Дмитрий сжалился, взял его к себе. Сколько беседовал с ним, усовещал. А Мячиков ему в ответ – я сам свидетель – все понимаю, а ничего с собой поделать не могу, словно сила меня какая-то обнажаться при бабах толкает. Ну работал он тут при церкви. А по осени пропадать стал – на день, на два. Отец Дмитрий ему тут на днях строжайшее внушение сделал: не вздумай опять за свое, мол, приняться, грех это великий. А Мячиков в ответ дерзить стал, огрызаться.

– Ну осенью обострения бывают, – философски заметил Колосов. – А вы давно этого типа тут видели? В день убийства он был тут?

– Утром точно был. Отец Дмитрий как раз его и воспитывал пастырски. А вот что-то сегодня не пришел он бочки красить, а ведь должен был доделать работу.

– Не пришел? А где живет? В Тутышах?

– Нет, дом у них на главной усадьбе «Луча». Сестра-то с мужем уехали, хату оставили. Только Мячиков там редко бывает. Перед соседями стыдно. Каждый ведь пальцем тычет.

– Ладно, отыщем этого вашего эксгибициониста, – щегольнул термином Колосов. – Что я еще у вас спросить хотел – в день убийства вы сами-то когда видели отца Дмитрия в последний раз?

– Да утром и видел. Мы с ним церковь открыли. Он мне как раз насчет денег и сказал – мол, после обедни и поеду в банк.

– Это было во сколько?

– Утром рано. А в десять мы расстались. Я в магазин спешил. У нас по четвергам и пятницам основной привоз всего. Так что я в Воздвиженское пошел, а отец Дмитрий в церкви остался.

– А Мячиков тоже там был? – уточнила Катя.

– Да я ж говорю – он бочки красил.

– Алексей Тимофеевич, а где вы живете? Далеко отсюда? – спросил Колосов.

– Я вам покажу, пойдемте. Отсюда мой дом видно. – Захаров, быстро семеня, повел их за церковь.

Пейзаж здесь, в стороне от дороги, словно раздавался вширь к горизонту: направо вдали среди багряной осенней листвы темнели крыши каких-то строений. Впереди бурым лоскутом стелилось картофельное поле. По нему, тарахтя, ползали два уборочных комбайна. Налево разбитая проселочная дорога уходила с холма под уклон, спускаясь на дно узкой тенистой лощины. А на противоположном склоне холма виднелась деревня.

– Вон там, видите, только спуститься и подняться, – показал Захаров. – Там я живу, второй дом с края.

– А там кто живет – вон в той даче? – Колосов указал на ближайший к проселку одинокий двухэтажный дом с круглым, похожим на иллюминатор, окном наверху. Дом прятался за глухим дощатым забором. Вокруг дома росли сосны. У дачных ворот стояла машина. Катя напрягла зрение – вроде джип. Но отсюда видно плохо.

– Это дача доктора Волкова, – сказал Захаров. – Он здесь живет почти постоянно. Только иногда на консультации в Москву ездит. Вон, кажется, гости у него. Вы с ним обязательно потолкуйте. Он хорошо знал отца Дмитрия, дружил с ним – они ведь оба страстные библиофилы были. И у кого только рука поднялась на такое злодейство? Убить пожилого человека, священника. И ведь денег не взяли – вот ведь меня что больше всего пугает. Убили и ограбили – это одно, а просто убили, тем более пастыря божьего, – это, извините, совсем, совсем другое.

– Что вы хотите этим сказать? – хмуро спросил Колосов. А сам подумал: слухи, мать их за ногу. Вот деревня – и про деньги тоже всё уже все знают! – Может, хотели именно ограбить, да кто-то спугнул.

– Жулика не очень-то спугнешь. Он первым делом за ваш кошелек схватится, с ним и убежит. Нет, тут, видно, что-то другое. Даже сердце защемило, – Захаров приложил ладонь к груди. – Эх, годы наши стариковские и те дожить по-христиански не дают.

– Кому же все-таки помешал отец Дмитрий? Может, раньше от кого-то были угрозы в его адрес, предупреждения?

– Снова спрашиваете, были ли у него враги? Нет, врагов не было, и угроз он ни от кого не получал. И предупреждений, – ответил Захаров. Кате показалось, что он при этом снова вроде то ли смутился, то ли замялся, но потом отрицательно покачал головой: – Нет, ничего такого не было. И вообще у нас тут очень тихое место.

– Слышала? – мрачно спросил Колосов, когда они отпустили Захарова восвояси. Он горячо обещал «любую помощь и содействие со своей стороны». – Терпеть это ненавижу. Вот это самое. «Тихое место, покой, благодать», – передразнил он. – А старичку церковному сзади железной трубой хрясть по голове – мозги веером.

– Священника ударили железной трубой? – переспросила Катя. – Эксперт не утверждал этого категорически.

– А я утверждаю. Мне ли таких повреждений не знать? – Колосов стал совсем мрачным. – Едем на место, осмотрим там все еще раз при свете. Есть там какие-нибудь железки? Спорить готов – нет.

Сели в машину, развернулись на шоссе и поехали к автобусной остановке. Примерно через полтора километра свернули на проселок, по которому вчера вечером возвращался отец Дмитрий. По обеим сторонам замелькали деревья, кусты. Это был уже не хвойный бор, окружавший церковь и кладбище, а лиственный лес. Кате показалось даже, что в этом лесу сохранились остатки то ли аллей, то ли дорожек. То тут, то там среди кустов и опавшей листвы были видны груды битого кирпича.

– Не пойму, что это – забор, что ли, здесь был когда-то у дороги, стена кирпичная? – спросила она.

– Наверняка был забор. Это ж территория бывшей психбольницы. Все давно развалилось, и чинить некому. – Колосов покосился направо. – Был общеобластной дурдом, а теперь, значит, будет чье-то поместье, да? Я что-то не усек.

– Захаров сказал: вроде какой-то музей, – поправила Катя. – Но, кажется, бывший учитель оперирует давно отжившими понятиями. Интересно, эта история с убийством в больнице действительно имела место?

Колосов промолчал, давая понять, что истории двадцатилетней давности могут подождать и еще четверть века. Приехали на место убийства. Днем картина была совсем нестрашная. Сельская дорога, справа и слева поля турнепса, вдоль дороги редкие заросли кустарника, далеко впереди на склоне холма – дома, дачи. Из-за верхушек елей видна церковная колокольня.

– Надо служащих банка опросить, потом водителей автобусов, на которых он ехал, пассажиров. – Колосов безрадостно осматривал пожухлую, тронутую первыми заморозками траву в кювете, тщательно обшарил кустарник. – То, что этот поп в банке побывал, – сомнений нет, деньги домой вез. Но, может быть, видели там, в банке, с ним кого-то? Может, вместе с ним кто-то с автобуса сошел? Будем проверять, искать. Видишь – нигде ни одной железяки не валяется. И свалки поблизости нет. Тот, кто ударил его, не воспользовался тем, что просто под руку попалось, а имел это при себе, с собой нес.

– Обрезок трубы? – спросила Катя. – Ты вроде хотел вчера кусты осмотреть, где убийца мог прятаться.

Колосов углубился в жидкие кусты, как медведь в бурелом.

– Кто-то мог его ждать здесь. Место пустынное, безлюдное, – донеслось до Кати, – а мог и не ждать, на одном автобусе с ним мог ехать и следом идти… Убить убил, а портфель не взял. Нет ничего, никаких следов присутствия… Глина как кисель. Я говорю – терпеть этого ненавижу. И потом, был бы потерпевший как потерпевший, а то поп. Я пока с его сестрой, этой попадьей, там дома

разговаривал, прямо в осадок весь выпал. Катя, слышишь? Нет, все-таки чудные люди эти попы. Точно с луны. Я эту попадью спрашиваю: чем конкретно потерпевший занимался? А она мне: пастырской деятельностью. Как хочешь, так и расшифровывай. Про какие-то Иринеевские чтения толковать мне начала, про какую-то теологическую полемику с каким-то клириком Волгоградской епархии Евтихием. Спрашиваю: с кем погибший общался, с кем знаком был? Так представляешь, Катя, ни одной фамилии нормальной не назвала, а все: архиепископ Фтирский был его другом, архимандрит Африкан какой-то, отец Патрикей, отец Филарет. Надо устанавливать, кто такие. Поседеешь прямо с этими отцами! Я ей про сатанистов вопросик подкинул как бы между прочим – может, с их стороны наезды на отца настоятеля вашего были? Так она аж побелела вся, руками замахала. Не смейте упоминать, кричит, молодой человек, в моем доме этих богом проклятых отщепенцев! Не упоминайте… А мне теперь весь наш банк данных по этой нечисти перелопатить предстоит.

– Ты думаешь – это ритуальное убийство? – спросила Катя.

– Сорок три тысячи на дороге бросили, – ответил Колосов. – Это как, по-твоему?

– Но ты сам только что Захарову говорил, что убийцу могли спугнуть, поэтому он и не взял портфель.

– А старик мне поверил? – Никита горько усмехнулся. – Черта с два. Не хватало еще, чтобы слухи по деревням поползли.

– Но на ритуальное убийство это тоже не похоже. Там всегда признаки определенные. А тут их нет.

Колосов махнул рукой, отвернулся и продолжил свой личный осмотр прилегающей к месту убийства территории. Катя вернулась в машину: Никите сейчас лучше не мешать. Прошло полтора часа. Колосов не торопился. Катя знала: обычно на месте серьезных происшествий он не доверяет осмотр никому – даже собственным коллегам из отдела убийств, не говоря уж о прокурорских и представителях МВД, приезжающих «осуществлять общее руководство». Только себе, своим собственным глазам. Пришел, как говорится, увидел и… ничего не нашел.

– Ну? – спросила она нетерпеливо, когда Колосов, усталый и запарившийся от усердия, бухнулся за руль «девятки» и закурил. – Что, полна коробочка улик?

– Будешь надо мной издеваться, пойдешь в Москву пешком.

– Ой, как страшно, какие мы грозные, сердитые. – Катя поудобнее устроилась на заднем сиденье, следя за ним в зеркало. – Так, результатов ноль. Дедукция и на этот раз подвела. Нужна свежая идея. А кто у нас самый главный по свежим оригинальным идеям, а? Уж, конечно, не вы.

– Уж, конечно, не я, куда уж нам, дефективным, – Колосов в сердцах включил зажигание. – А у вас есть свежая идея?

– Не-а, – Катя улыбнулась ему в зеркальце, развела руками. – Раз нет идей, идем самым банальным путем – продолжаем выявлять свидетелей и очевидцев. Едем к Волкову, про которого говорил Захаров. Может, с ним нам повезет больше.

Глава 6

СВИДЕТЕЛЬ

Пахло мокрой листвой и грибами. Гроздья рябины свисали через забор, соблазняя сорвать себя, попробовать на вкус горьковатую мякоть. За забором росли сос-ны, среди них пряталась от любопытных взоров зеленая двухэтажная дача с окном-иллюминатором на втором этаже. «Светлый призрак, кроткий и любимый, что ты дразнишь, вдаль меня маня?» – пел где-то там, на втором этаже за кремовыми шторами, бесконечно старомодный, пленительный тенор Печковский. Так бывает только на старых дачах в Подмосковье осенью…

– Эй, есть кто живой? Откройте, будьте добры. Милиция! – Колосов хриплым разбойничьим возгласом попытался разрушить эту идиллию.

Катя, стоявшая вместе с ним перед наглухо запертой калиткой, увидела на сосне за забором высоко прибитый скворечник. На его крыше сидела белка, с любопытством посверкивала на них бусинками глаз. «Те лучи согреть меня не

могут – все ушло, чем жизнь была тепла», – пел в доме за кремовыми шторами всеми забытый тенор на старой пластинке.

– Откройте! – Колосов громыхнул кулаком в калитку.

– Ревешь как медведь, – одернула его Катя. – Этот Волков испугается и не выйдет к нам.

Она разглядывала дачу за забором. Таких дач много еще в Малаховке и в Краскове, были когда-то такие дачи и на Николиной Горе. Там среди книг, фарфоровых безделушек и старой мебели доживают свой век те, кто когда-то что-то значил в этом мире и кого, по сути своей, давно уже нет. Остались только образ, миф – в тех же книгах, старых фильмах, в памяти их пожилых сверстников.

Колосов опять невежливо и громко бухнул кулаком в калитку. Катя вздохнула – пробовать свою силу на безответной деревяшке – это и дурак сумеет. Но, боже мой, как же это ему нравится! И, наверное, все равно на чем тренировать удар – на досках ли этого старого забора, на ребрах ли нарушителей правопорядка…

– Иду, спешу! Сейчас открою, минутку подождите, – послышался громкий бодрый мужской голос. Печковского выключили. Заскрипела дверь на террасе, послышались быстрые шаги по ступенькам, по дорожке. Калитка распахнулась, и Катя увидела долговязого и совсем еще не старого мужчину с крашенными в вороной цвет кудрявыми волосами и смуглым лицом. Одет он был в махровый купальный халат.

– Что вам угодно? – осведомился он холодно.

Колосов высоко поднял свое удостоверение, коротко представился, буркнув: «Мы хотели поговорить с вами».

– По поводу отца Дмитрия? – долговязый Волков покачал головой. – Да, да, понимаю. Проходите в дом. Я только из ванной. Еле услыхал, как вы стучите. Как раз вода в колонке согрелась. У нас ведь здесь все не сразу – пока печь натопится, пока вода в котле нагреется.

Он широким шагом двинулся к даче, ведя их за собой. Участок был огромный, аккуратный, светлый, чистый: сосны, газон. По забору росли рябина и терн. У ворот на забетонированной площадке под навесом скучала новая белая «Волга».

Дальше террасы Волков их не пустил, однако сделал это очень тактично – галантно придвинул Кате плетеное кресло, Колосову указал на стул за овальным обеденным столом – прошу, располагайтесь. На террасе было тепло. В окна были уже вставлены двойные зимние рамы. В глубине дома капала из крана вода.

– Я только переоденусь, – сказал Волков.

– Простите, вас как по имени-отчеству? – спросил Колосов.

– Михаил Платонович.

«Ему от силы лет сорок пять, не больше», – подумала Катя. Ассоциации, навеянные видом дачи и старомодным тенором, оказались неверны. Это был очередной мираж – так тоже иногда бывает осенью в Подмосковье.

Волков вернулся в теплом свитере и спортивных брюках.

– У вас белка живет в скворечнике, – сказала ему Катя. – Такая смешная.

Он улыбнулся. Улыбка у него была мягкая. Он успел надеть очки – модные, без оправы. На макушке, среди крашеных кудрей, волосы уже поредели. Видимо, поэтому он, как Юлий Цезарь, старался не наклонять голову, а слегка закидывал ее назад.

– Мы все до сих пор прийти в себя не можем. Такое страшное несчастье, – сказал он.

– Вы хорошо знали отца Дмитрия? – спросил Никита.

– Мы были соседями. Сколько лет живу – столько он был в здешней церкви настоятелем. Порой мы с ним встречались, беседовали. Он был очень интересный собеседник и страстный книголюб.

– Вы ведь сами-то врач по профессии?

– Совершенно верно. Но сейчас я занят исключительно научной деятельностью, работаю над диссертацией. Поэтому только консультирую коллег время от времени в ряде клиник в Москве, Петербурге. А здесь – воля, покой, тишина. Здесь хорошо работается, хорошо думается, пишется. Поэтому почти постоянно живу здесь.

– Да, место тихое эти ваши Тутыши, – согласился Никита. – Вы сами-то, Михаил Платонович, что думаете по поводу этого убийства?

– А что можно думать? Беспредел, варварство. Эта наша глухомань: от автобуса идти почти два километра, от станции столько же. А кругом ведь ни души, особенно осенью, зимой. Вечером дороги не освещаются. А сколько сейчас разной швали бродит? Бомжи, пьянь-рвань. Для них ведь ничего святого нет, – Волков покачал головой. – Старик ли, ребенок ли, женщина – этому отребью все равно.

– Вы сами на автобусе сюда ездите, на электричке?

– Я-то в основном на машине. Двадцать лет за рулем – привык. И на рынок, и в магазин, и в Москву. Но случается, барахлит, тогда приходится на автобусе добираться.

– Вы не вспомните, когда вы видели в последний раз отца Дмитрия? – спросила Катя.

– И вспоминать нечего. В тот самый роковой день и видел. Позавчера то есть, – Волков с живостью обернулся к ней. И она снова отметила, что он старается повернуть голову так, чтобы плешь на макушке была не видна.

– Расскажите, пожалуйста, все подробно, – попросила Катя. – Вы заходили в тот день в церковь?

– Нет, все вышло случайно, мы буквально столкнулись с ним на улице. Я возвращался на машине домой от своих знакомых – время было обеденное, где-то примерно часа два. А отец Дмитрий вышел за калитку. Он явно куда-то

собирался. Я остановился, поздоровался. Хотел поболтать по-соседски, но он сказал, что торопится на автобус. Мы распрощались и… это все.

– Вы не предложили подвезти его до остановки?

– Нет, не предложил, – Волков развел руками. – Наверное, следовало, но я смертельно устал в тот день. Голова раскалывалась просто. И потом отец Дмитрий был не один.

– Не один? А кто был с ним? – спросил Колосов.

– На улице возле церкви его ждал какой-то парень. Высокий, совсем молодой. Он потом подошел к отцу Дмитрию, и они пошли вместе. Я понял – как раз на автобус.

– Это было в два часа? – уточнила Катя.

– Да, около того или чуть раньше.

– А этого молодого человека вы знаете? – спросил Колосов.

– Нет, не знаю. Но видел здесь раньше. По-моему, он из Лесного. Там начали реставрировать старый корпус больницы.

– Да, тут у вас раньше психушка была, – брякнул Колосов.

Волков усмехнулся:

– Была. И, как говорится, сплыла.

– А вы видели этого парня, что был с отцом Дмитрием, именно в Лесном?

– Нет, здесь в окрестностях встречал. Молодой такой, очень молодой. Кажется, они все в церковь приезжали из Лесного – летом это было.

– А вам не показалось, что отец Дмитрий чем-то встревожен, огорчен? – спросила Катя.

– Нет, напротив, он был бодр. Торопился на автобус. В руках у него был портфель или сумка… Нет, портфель – большой такой, вместительный. Это значило, что он, будучи в городе, заглянет в книжный магазин, в букинистический отдел. Он был знатоком и собирателем книг. А в подмосковных городках, особенно в глубинке, такие вещи порой можно найти… Сейчас ведь много библиотек закрывается.

– Он не говорил вам, что планирует здесь в церкви в субботу начать реставрационные работы? – спросила Катя.

– А как же – сколько раз говорил. Этот вопрос второй год уже у всех на слуху. – Волков закивал. – Насчет субботы, правда, я ничего не слышал. Если что-то сдвинулось, значит, деньги на реставрацию нашлись. Все ведь в отсутствие денег упиралось.

Больше Волков ничего про деньги не сказал. Катя отметила, а Никита и акцентировать на этой теме его внимание пока не стал. Деньги-то ведь не пропали. Они были найдены в портфеле рядом с телом. Катя посмотрела в окно террасы: зимние двойные рамы, сосны, скворечник. Белки уже там нет. Белки нет, скворечник есть. И деньги в старом портфеле тоже были оставлены убийцей на месте преступления. Что-то это напоминает. Что-то уже виденное однажды…

Она заставила себя слушать, не отвлекаться. Колосов расспрашивал Волкова про соседей.

– Тут все соседи в основном летом живут, – отвечал тот. – А сейчас сезон закончен. И там, и там, и вон там дачи пустуют. Приезжают хозяева только на выходные и то не каждый раз. Местных из Тутышей, из Воздвиженского я многих прежде хорошо знал. Но теперь большинство поразъехалось, – он подумал, назвал в числе соседей Захарова, какого-то старика Федотыча из Тутышей, затем Марью Никифоровну с железнодорожного переезда, продавщицу Варю Агапову и ее мужа. Назвал он и Дениса Малявина среди прочих.

– Значит, ваше мнение, Михаил Платонович, убийцу отца Дмитрия нам стоит искать только среди бродяг? – спросил Колосов.

– Не знаю. Вы профессионал в таком деле, я нет. Но кто другой это мог бы быть? – Волков покачал головой. – У кого бы еще рука на такое поднялась, кроме морально деградировавшего субъекта? Форменного социопата?

Когда они вежливо простились с ним и уже садились в машину, Колосов вдруг хлопнул себя по лбу:

– Я у него не спросил, по каким болезням он специалист. Ну тип, ну место… Ну божьи коровки… Терпеть это ненавижу – слякоть эту.

– Ну что ты все ворчишь как старый дед? – Катя в последний раз посмотрела на скворечник за забором – там ли белка? Снова пахло прелой листвой и грибами. И снова из зеленой дачи пел им вслед тенор Печковский: «Опять в душе моей тревоги и мечты, и льется скорбный стих, бессонницы отрада…» Волков, спровадив их, видно, снова включил свой магнитофон или музыкальный центр. А они так и остались с чем пришли. – Что ты ворчишь? – повторила Катя. – Тебе дали первую нить. У нас появился свидетель, видевший покойного незадолго перед убийством в компании неустановленного лица. Чем не нить для первоначальных следственно-оперативных мероприятий? К тому же свидетель указал предположительное местопребывание этого неустановленого лица – Лесное. Это вторая нить. И даже дал примету – возраст. Радуйся и этому. Когда нам с тобой сразу везло по трем пунктам?

– Я радуюсь. Ты что же сама не радуешься?

– Я думаю, Никита.

– Интересно, о чем ты думаешь?

– Так. – Катя вздохнула. – О деньгах в портфеле. Где-то что-то подобное уже было. Вот я увидела эту дачу, услышала тенора, поющего романс, и решила – этот Волков старик. А он совсем не старик. Ассоциации обманчивы.

– Ну и что? – Никита развернул машину.

– А потом я взглянула на его модные очки. И подумала: я где-то видела человека в похожих очках, с крашеными волосами. Когда его убили, то при нем тоже были деньги, крупная сумма. И убийца их тоже не взял.

– Ты про что? Я не понимаю. Ни хрена я, Катя, не понимаю.

– Какой ты грубый, совсем как мой муж… иногда бывает… Нечасто, редко, – Катя снова вздохнула. – Помнишь, лет десять назад на Пятницкой улице убили известного телеведущего? Убили, а деньги, что при нем были, не тронули. Ну помнишь?

Колосов сначала поморщился, потом нехотя кивнул.

– Там ставка была большая. Очень большая, – продолжила Катя. – Телеведущего хотели именно убить, а не ограбить. Так, может, и у нас здесь то же самое, а?

– Что то же самое?

– Ставка в убийстве священника гораздо больше для убийцы, чем какие-то там сорок три тысячи «рэ».

– Да тут, в этих Тутышах, за десятку удавятся!

– Ну не удавились же. Бросили, не взяли. И вообще, зря ты ругаешь это место. Оно очень любопытное и начинает меня интересовать. Этот Волков, кажется, тоже что-то нам недоговаривает, как и старик-учитель. Возможно, о том, что здесь произошло, им известно гораздо больше, чем они хотят нам показать.

– А может, это просто твои очередные фантазии, – буркнул Колосов. – Вот это, сдается мне, вернее всего.

Глава 7

ДОМА – ГРОЗА

Когда вы после напряженного трудового дня возвращаетесь поздним вечером домой, вам хочется только одного – тишины и покоя. И еще любви и заботы. А у вас муж. И у него свой собственный взгляд на мир и на вашу профессию в особенности. И он бродит по квартире, как барс в клетке. Слышите это грозное рычание? Не слышите? Ваше счастье.

В Тутышах действительно пришлось задержаться: Колосов организовывал (он называл это ставить) работу по раскрытию убийства. Командовал, определял задачи, а быстро, как известно, такие дела мужчины не делают. Катя в отделении милиции записала для себя некоторые полезные сведения и местные телефоны. Потолковала с сотрудниками об отце Дмитрии, которого все они хорошо знали. На обратном пути она помалкивала. Колосов включил магнитолу – «Авторадио» – и тоже лишь изредка вставлял в музыкальную паузу какое-нибудь мрачное замечание. Раскрыть убийство по горячим следам за одни сутки не удалось. В этом и крылось примерно процентов пятьдесят обуявшей начальника отдела убийств черной меланхолии. Остальные же пятьдесят процентов сплина можно было смело отнести на счет…

– Никита, ты, пожалуйста, к моему дому не подъезжай, – попросила Катя, когда они уже сворачивали с Садового кольца на Комсомольский проспект, а затем и на Фрунзенскую набережную. – Вон там остановись, на углу. Я дойду. А то тебе разворачиваться будет неудобно.

– Нормально разворачиваться. Как хочешь, как пожелаешь… Здесь остановиться? – спросил Колосов.

– Да, спасибо. До свидания. Завтра я тебе позвоню… насчет результатов вскрытия.

– Да ради бога, – Колосов свирепо газанул, развернулся на набережной и умчался.

Вот и все. День, ночь, сутки прочь…

Вадим Андреевич Кравченко – любимый муж, «драгоценный В.А.», имел вредную привычку курить по вечерам на балконе. А оттуда – отличный обзор и набережной, и Москвы-реки, и парка, и «чертова колеса». И старую черную «девятку» Колосова Кравченко знал как облупленную. И самого начальника

отдела убийств знал заочно (знакомиться демонстративно не желал). Знал и терпеть его не мог.

Катя посмотрела на свой дом: так и есть – в окнах квартиры свет. На балконе – знакомая до боли личность. А с ней рядышком вторая личность – маленькая, верзиле-«драгоценному» чуть ли не по локоть. Ба, да ведь сегодня пятница! Как же она позабыла? А вечерами по пятницам друзья детства встречаются после недельной разлуки. Рядом с Кравченко на балконе стоял Сергей Мещерский.

Катя прямо даже расстроилась: ну вот, здравствуйте вам, сейчас бы в ванну горячую, душистую бултыхнуться да на диван. А тут ужин готовь, суетись, корми этих троглодитов – крупного и мелкого – и слушай в сотый раз уже не по телефону, а въяве, как восторженный Мещерский будет рассказывать о последней экспедиции турфирмы «Столичный географический клуб» к черту на очередные кулички.

Дверь квартиры она открыла своим ключом. Когда ваш муж бродит по квартире, как барс, волей-неволей хочется проскользнуть тихо, как мышка.

– Наконец-то, не прошло и полгода. Явление семнадцатое: те же и она. Серега, ну ты понял, нет? – Многозначительно и вызывающе из глубины квартиры Кравченко.

– Катюша, добрый вечер. Вот и хорошо, наконец-то… А мы тут с Вадькой… Вадик, я тебя прошу! Только спокойно, только в рамках! – Радостно, растерянно Мещерский, выпархивая в прихожую навстречу Кате.

– Ах, отстаньте вы оба от меня! Я с ног валюсь. – Катя сбросила куртку, швырнула сумку на зеркало. Нападение – лучшая защита. А она, между прочим, ни в чем и не провинилась.

Отмокая в горячей ванне среди пара и пены, она слышала два спорящих голоса: бу-бу-бу. «Драгоценный» и его дружок, упражняясь в красноречии, гремели на кухне посудой. Вот что-то разбили…

Ужинали, однако, все с отменным аппетитом. Мещерский болтал без умолку, обращаясь поочередно то к усталой Кате, то к хранящему гордое молчание другу детства Кравченко. Закончил рассказывать про Каирский музей и мумию

фараона Рамзеса, начал про путешествие по Нилу. Катя слушала, собрав остатки терпения в кулак: вдоль да по Нилу, вдоль да по широкому, сизый селезень плывет…

А что она вообще такого сделала? Она смело и открыто вперила взгляд прямо в «драгоценного В.А.». С чего это вдруг такие молнии сверкают в ваших прекрасных очах? Что я сделала, в чем провинилась перед вами? Я не гуляла, не тусовалась, не прохлаждалась в этих Тутышах. Я работала, приносила, как могла, пользу обществу и государству. Ну а что поздно домой вернулась, так это так уж вышло. Ей вспомнилось сумрачное лицо Колосова в автомобильном зеркальце. И тот тоже уехал недовольным – ну а я-то, бедная, при чем?

– Вадик, достань, пожалуйста, молоко из холодильника. Пусть оно постоит, а то у тебя гланды, – напомнила она, как обычно, «драгоценному».

– Сегодня я пью пиво, – Кравченко покосился на Мещерского. И тот на полуслове поперхнулся своим плаванием по Нилу.

– Ну, как в Питер скатал, удачно? – спросил его чуть погодя Кравченко.

– Да ничего, нормально. Знаешь, кого там встретил? – Мещерский обрадовался новой, неизбитой теме. – Помнишь Лыкова Ваню? Он с сестрой был. Столкнулись на Невском случайно, представляешь? А здесь сто лет не виделись.

– Он где сейчас? Чем занимается?

– Он все такой же, как был чумовой, так и остался. – Мещерский усмехнулся. – Чем занимается, я так толком и не понял. Какие-то дела помогал решать сестре на антикварном аукционе. Они там мебель отбирали для одного богатого коллекционера, дальнего родственника из Франции.

– Еще один князь Лыков из Парижа? – хмыкнул Кравченко. – Мельмот-скиталец?

– Из Парижа, только не Лыков, а Салтыков. Приехал сюда к нам, на историческую родину, чуть ли не насовсем. Хочет бывшее родовое имение восстановить, сделать из него помесь культурного центра и загородного клуба.

– Как, как его фамилия? – спросила Катя.

– Лыков Иван. Да ты разве не знаешь его?

– Нет, того, кто приехал из-за границы?

– Салтыков Роман, – ответил Мещерский и посмотрел на Катю: – А что?

– Ничего. А место это, где имение, как называется?

– Не помню… Кажется, Лесное. Это вроде по Рязанке надо ехать. Слушайте, ребята, мы так до сих пор ничего и не решили насчет выходных. Вадик, Катя?

– По-моему, тут нечего решать, Серега, друг. Тут кое-кто не слишком нуждается в нашей компании, – веско изрек Кравченко. – По-моему, кто-то заработался совсем. Совесть последнюю потерял.

– По-моему, кто-то напился как поросенок, – парировала Катя. – Сереженька, я насчет выходных полностью с тобой согласна, надо проветриться на свежем воздухе. И вот что мне в голову вдруг пришло – ты хорошо знаешь этого Салтыкова?

– Не близко, но знаю. Он вообще-то и мой родственник тоже, – ответил Мещерский, – дальний, по линии деда. Мы с ним несколько раз встречались в…

– В Париже, на Елисейских Полях, – докончил Кравченко. – Ну, мать вашу, аристократы!

– А что, если нам съездить в это Лесное, посмотреть на реставрационные работы, познакомиться с этим Салтыковым? – предложила Катя.

– Можно, конечно, если ты хочешь, если это так тебя заинтересовало. – Мещерский пытливо посмотрел на Катю, отметив, что ни про какие реставрационные работы он и не заикался. – Роман Салтыков – человек неплохой, вполне светский. Всем нашим страшно увлекается, откликается на все живо, по-детски открыто. Поедемте, я вас с ним с удовольствием познакомлю.

– Ну да, тебе ж это раз плюнуть, – Кравченко откинулся на стуле, взял столовый нож, провел лезвием по пальцу. – Слушай, Серега, ты бы это… хоть разок показал нам, продемонстрировал эту свою голубую княжескую кровь.

– Вадик, прекрати, – сказала Катя.

– А чего сразу Вадик? Чего прекрати? Когда тут некоторые своим княжеским происхождением хвалятся. А у меня дед был шахтер с Донбасса. В шахте уголь рубил пролетарски-ударно. Ну что, слабо предъявить свою голубую…

– Ну на, на, вскрой и убедись! – маленький Мещерский, порозовевший от пива и ужасно похожий в этот миг на Лермонтова с портрета в школьном учебнике, сунул под нос Кравченко свое запястье. – Успокойся, Катя, все в полном порядке. Просто некоторые у нас что-то нарываться стали на грубость. Неизвестно с чего цепляются ко всем.

Катя оттолкнула руку Мещерского, отняла у Кравченко столовый нож.

– Чтобы было все ясно-понятно, без недомолвок, – четко отрубила она. – Я в совпадения не верю, но они все равно бывают. Мне надо поехать в Лесное. У нас вчера в районе убили священника. Убийство какое-то непонятное. Я сегодня снова там была. И про это Лесное там слышала, может быть, даже такое, чего ты, Сереженька, не знаешь.

Мещерский налил себе и Кравченко пива.

– А что, этого священника убили прямо в Лесном? – спросил он.

– Нет, но Лесное там неподалеку. И он его посещал. Так ты поможешь мне?

– Конечно, если тебе это так необходимо. Там можно отлично отдохнуть, то есть я не это хотел сказать… Я прямо сейчас Лыкову позвоню, скажу, что мы все втроем приедем.

– Вдвоем, – отрезал Кравченко. – Можете катиться к вашему парижскому родственнику. Но без меня.

Катя молча начала убирать со стола посуду. В принципе, «драгоценный» со своим гонором там, в Лесном, ей и не был нужен. Достаточно было одного Мещерского для прикрытия. Но все равно ее душила обида. Как все несправедливо! И за что на нее все сегодня окрысились? Только за то, что она хочет докопаться до истины сама, сама разгадать то, что в данный конкретный момент ее больше всего интересует.

Она уже легла, а «драгоценный» все еще курил на балконе, сплавив наконец своего дружка детства домой. Выдерживал характер до последнего. До двух часов ночи крепился.

А утром, проснувшись, свежая и отдохнувшая, Катя обнаружила его не где-нибудь, а рядом с собой в постели. «Драгоценный» спал сладко, как безгрешное дитя. И Кате было жаль будить его.

Глава 8

БАРИН ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ И КОМПАНИЯ

– Кто такой этот Роман Салтыков? Что тебе про него известно? – принялась расспрашивать Катя Мещерского, когда они вдвоем ехали в Лесное. Дорога была знакомой, а вот что ожидало их в конце этой дороги?

Катя хоть и не показывала виду, но все же чувствовала себя не совсем в своей тарелке. Мещерский был тоже слегка обескуражен. Нет, не поездкой в гости к заграничному родственнику – на это как раз он смотрел просто и житейски. Сбивало его с толку поведение закадычного друга Кравченко. Наутро, выспавшись и протрезвев, тот вел себя довольно мирно, но ехать в Лесное по-прежнему отказывался наотрез.

– Мы отдохнуть хотели, Серега, оттянуться как следует, – сказал он Мещерскому. – А она тащит тебя туда не отдыхать. Все время на своем хочет поставить: мне, мол, это надо, а вы хоть умрите, но делайте, как я хочу. А я не желаю быть подкаблучником! Это ты вечно у нее на поводу идешь, прихоти ее малейшие исполняешь. А я, Серега, не такой. Я гордый.

Мещерский на это лишь украдкой вздыхал: эх, я-то иду на поводу, а что толку? Любят-то и замуж выходят как раз за «не таких». Борьба и единство противоположностей это называется.

– Про Романа Салтыкова, Катюша, мне известно не так уж много, – сказал он, чтобы отвлечься от грустных дум. – Родился он во Франции. Жил и работал в Англии, Швейцарии, Бразилии. Он по профессии инженер-гидроэнергетик. Строил электростанции по всей Южной Америке. А семья его эмигрировала в Париж сразу после революции, оставив здесь все, чем владел род Салтыковых.

– Фамилия историческая, – заметила Катя.

– Да, и все сразу Салтычиху вспоминают. Маньячка его родственницей была. А еще в их роду был некий Сергей Салтыков, фаворит Екатерины и, по слухам, даже отец Павла Первого. Нам, Мещерским, они когда-то близкой родней доводились. У меня бабка была урожденная Салтыкова. Лыковы тоже им родней были. В эмиграции Салтыковы сначала, как все, приспосабливались, насколько можно было приспособиться. Дед Салтыкова женился на богатой американке, пил, говорят, по-страшному, потому что был в браке несчастлив. Зато сумел дать отцу Салтыкова Валериану Константиновичу хорошее образование. Тот потом весьма успешно занимался бизнесом и в результате оставил Роману, своему единственному сыну, приличное состояние. А тот, в свою очередь, это состояние приумножил. Теперь он вроде бы из бизнеса вышел, занимается благотворительностью, живет в свое удовольствие, путешествует. Сюда вот к нам приехал.

– Лесное действительно в прошлом принадлежало его семье?

– Да, до революции это было их имение, но не родовое, а приобретенное. Я тут слышал, что когда-то давно, еще при Елизавете, оно принадлежало некой Марии Бестужевой. Ваня Лыков мне даже ее портрет показывал в Питере.

– А потом там взяли и устроили сумасшедший дом, – сказала Катя.

– Что?

– Областную психбольницу, Сереженька. В Тутышах – это деревенька такая рядом – только так это самое Лесное и вспоминают.

– Что все-таки случилось? – тревожно спросил Мещерский. – Ты мне ничего так и не рассказала толком об этом убийстве священника.

Катя коротко поведала ему все, что знала.

– Волков, свидетель, сказал, что видел в тот самый день с отцом Дмитрием какого-то молодого парня, который то ли работает, то ли живет в Лесном, – закончила она свой рассказ. – Прежде чем Никита нагрянет туда с официальными допросами, я бы хотела сама взглянуть на них – на Салтыкова и тех, кто реставрирует эту усадьбу. Но сам понимаешь, просто так, без приглашения, туда не явишься.

– Я вчера звонил Лыкову, просил, чтобы он предупредил Романа о нашем приезде. Лыков еще в Питере мне намекал, что нам всем надо повидаться. Он сказал, что Салтыков сейчас как раз в Лесном.

– А как вышло, что вы с ним встретились в Париже? – с любопытством спросила Катя.

– Да очень просто вышло. Тетка моя ездила во Францию по приглашению к родственникам еще в девяносто пятом. Это называется реанимированием семейно-родовых уз, – Мещерский усмехнулся. – Те, кто уехал, хотели видеть тех, кто остался здесь, их детей, внуков. С Салтыковым мы познакомились на одном таком семейном ужине в ресторане.

– Он по-русски говорит?

– Свободно. Акцент только небольшой. Он вообще, Катя, считает себя русским, кажется, даже больше, чем мы.

– А он женат?

– Женат. И, по-моему, даже вторым браком. У него и дети есть.

– А жена его тоже в Лесное приехала?

– Вот этого я не знаю, – Мещерский пожал плечами. – Когда мы познакомились, он был с женой. Она англичанка. Очень решительная леди, рыжая, как лиса. Мне говорила, что увлекается полетами на воздушном шаре и дайвингом.

– Красивая? – спросила Катя.

Мещерский пожал плечами.

– Этот Лыков, которого вы с Вадькой знаете, а я нет, он тоже бывает в Лесном?

– Сказал, что часто бывает вместе с сестрой.

– Сестра такая высокая эффектная блондинка по имени Марина?

– Нет, ее Аня зовут, – Мещерский улыбнулся. – А вы, видно, с Никитой уже справки наводили. Но никакой Марины я не знаю. А сестра Лыкова действительно эффектная, но она не блондинка. По крайней мере, в Питере, когда я ее видел, у нее волосы были цвета грецкого ореха. Слушай, ты ведь тут уже была, значит, помнишь дорогу. Куда теперь поворачивать – направо или налево?

Но Катя понятия не имела. Она никогда не могла запомнить дорогу. Она осматривалась, куда они заехали. Где автобусная остановка? Где церковь, хвойный бор? Где дача Волкова? Ну хоть бы один знакомый ориентир был!

– Лыков мне сказал – как с Рязанки свернешь по указателю, сразу направо, а потом… забыл – то ли опять направо, то ли налево. – Мещерский сбросил скорость. – И кажется, мы какой-то поворот проехали. Вон едет кто-то, сейчас спросим.

С их машиной на пустынной дороге поравнялся велосипедист.

– Простите, далеко отсюда до Лесного? – окликнула его Катя, опуская стекло. Велосипедист остановился. И Катя вдруг вспомнила его: не далее как вчера она видела этого парня на старом «Москвиче» вместе с каким-то сверстником и той блондинкой по имени Марина Аркадьевна.

Велосипед у парня был для деревни просто шикарный – новехонький, немецкий, с наворотами. Одет парень был в красную куртку «Томми Хильфингер».

– Вы едете в Лесное? – спросил он.

– Да, к Салтыкову Роману Валерьяновичу, – ответил Мещерский. – Но что-то вот заблудились.

– А я тоже туда еду, – парень разглядывал их с любопытством. – Могу вас проводить.

– Вы работаете в Лесном? – спросила Катя.

– Да. Вы поезжайте за мной следом.

– Нет, так дело не пойдет, давайте садитесь в машину, а велосипед ваш в багажник погрузим, так будет быстрее, – распорядился Мещерский.

– У меня все колеса в грязи, испачкаю вам багажник.

– Пустяки, – Катя открыла ему дверь машины. Вот так удача: ехала, чтобы среди обитателей Лесного в первую очередь установить личности имеющихся там в наличии молодых людей. И вот, как говорится, с лета в яблочко попала.

– Вас как зовут? – спросила она.

– Леша. Алексей Изумрудов. – Парень сложил велосипед, легко поднял его и погрузил в открытый Мещерским багажник. – А вы друзья Романа Валерьяновича?

– Я с ним знаком, – ответил Мещерский, – вот еду повидаться. Он ведь в Лесном сейчас?

– Вчера из Москвы приехал. – Изумрудов сел рядом с Катей на заднее сиденье, указал на грунтовую дорогу, уходившую от перекрестка направо. – Здесь сверните. Можно и по шоссе добраться, только это надо в другую сторону.

– Я же говорил – мы поворот один проскочили. Заболтались. – Мещерский отдавался делу управления автомобилем с жаром и страстью.

– Тут недалеко. Проедем Воздвиженское и снова повернем направо, – пояснил Изумрудов Кате.

Она украдкой разглядывала его: зелен виноград, совсем еще зелен. Но по виду – спортсмен и умница. Вежливый, неразболтанный. И очень симпатичный. Годам к двадцати восьми превратится в такого красавца, из-за которого немало женщин потеряет покой.

– Как дела в Лесном продвигаются с реставрацией? – бодро осведомился Мещерский, давая понять, что он в курсе происходящих там перемен.

– Неплохо. Дом почти закончили снаружи. Правый флигель полностью готов, все там сделали. В остальной части дома отопление вчера подключали. Сейчас парк начали расчищать. А вы архитектор или дизайнер по ландшафту, да?

– Ни то и ни другое, – Мещерский улыбнулся.

Въехали в Воздвиженское. И Катя наконец узнала место, где вчера провела целый день. Вон магазин, почта, а вон и милиция. Что-то машин снова дежурных понаехало. И из главка тоже есть, судя по номерам.

– А что это у вас тут так много милиции? – спросил Мещерский, поймав ее взгляд. – Случилось что-нибудь?

– Не знаю. Может быть. Нам после указателя опять направо.

«Неужели ему ничего не известно про убийство? – подумала Катя. – Или он просто не желает огорошивать этой новостью гостей Салтыкова?»

Грунтовая дорога пошла лесом. Катя снова увидела среди деревьев то там, то здесь кучи битого кирпича. Это были остатки разрушенной ограды больницы. Дорога снова свернула – вдоль обочины теперь в ряд выстроились старые липы. В конце этой аллеи были врыты в землю два кирпичных обелиска. Ни ворот, ни забора не было, но кирпичные обелиски явно отмечали какой-то рубеж. Машина

проехала между ними, и снова замелькали деревья. Но это был уже не лес, а скорее заглохший запущенный парк. Заросли расступились, открывая панораму прудов. Из-за поворота возник деревянный барак, потемневший от дождей и непогоды, а вдалеке на берегу пруда стало видно приземистое одноэтажное здание, выстроенное, как говаривали в старину, «покоем» – центральная часть и два флигеля по бокам.

Среди багряной осенней листвы на фоне темных стволов деревьев дом выделялся своими угловатыми тяжеловесными очертаниями и новой крышей. Фасад украшал портик с шестью коринфскими колоннами. Лепнина портика и капителей была восстановлена заново. Часть центрального фасада и весь левый флигель были в строительных лесах. Цоколь, который только начали облицовывать серой плиткой, зиял свежими пятнами штукатурки.

Это было, пожалуй, почти все, что успела разглядеть Катя, выйдя из машины. Дом, парк, пруды, хаос строительных работ – все это сразу отошло на задний план, потому что…

– Сережа! Мещерский, ты ли это? Дорогой мой, ты приехал! Как я рад тебе! – Высокий дородный мужчина встречал их на фоне коринфского портика. Резво, как мячик запрыгал, заспешил навстречу по полувосстановленным ступеням подъезда и через секунду уже заключил Мещерского в крепкие объятия. Поцеловал троекратно с пылкой радостной горячностью. Хлопнул по плечу, затормошил.

Таким Катя впервые и увидела Романа Валерьяновича Салтыкова. А через минуту из правого флигеля буквально посыпались новые и новые лица: две интеллигентного вида дамы, бледный паренек в джинсах, молодой крепко сбитый мужчина, похожий на пирата, миловидная шатенка с котенком на руках.

У Кати даже голова закружилась от неожиданности и шума. Но головокружение это не было болезненным и неприятным, а напротив, словно его вызвала внезапно грянувшая музыка, подхватившая вас и закружившая в бешеном ритме вальса. И все в одночасье смешалось в этой слитной разноголосице оживленных возгласов, вопросов, ответов, радостных замечаний: «Рады познакомиться, очень рады», «Проходите в дом, милости просим», «Сережа, ну познакомь же меня с твоей очаровательной спутницей», «Сергуня, молоток, что приехал, не обманул», «Очень приятно, Валя», «Милости просим, вы ведь здесь еще не были ни разу?»

Чтобы разобраться в том, кто есть кто и кем кому доводится, Кате понадобилось время. Салтыков встретил Мещерского по-театральному шумно, но эта театральность скрывала смущение и одновременно искренность. Катя смотрела на них: родственники. Надо же – они родственники! И таковыми себя сознают и ощущают, хотя некогда близкие и тесные родственные связи их предков были насильственно разорваны, рассечены революцией, войнами, границами, «железным занавесом» и разным укладом жизни. Что же соединило их так бурно, шумно, стремительно, буквально бросив навстречу друг другу? Память? Кровь?

Салтыков был от души рад приезду Мещерского. И, наверное, именно этим он сразу и безаговорочно расположил Катю к себе. Славный, очень славный, ну и что, что внешность совсем не броская – редкие пепельные волосы, светлые ресницы и брови, кожа как у альбиноса, склонная и к меловой бледности, и к пылкому багровому румянцу на щеках? Зато глаза хорошие – умные, добрые, улыбка обезоруживающая, детская. И манеры отличные – сразу видно, кто перед вами.

По-русски он говорил чисто, правда, произношение у него было непривычное для слуха москвичей, с отчетливым «с», четкими шипящими согласными. А Мещерский выходило как «Мещерскый». Но это был не европейский заграничный, а настоящий дореволюционный петербургский акцент.

Встретил он их в вязаной «альпийской» кофте и мешковатых вельветовых брюках, что называется, по-домашнему. Зато к обеду, где собрались все, переоделся в безукоризненный темно-синий блейзер и белоснежную сорочку.

Катя прикинула: сколько Салтыкову может быть лет? Никак не больше сорока двух, но, правда, фигура начинает потихоньку полнеть, оплывать. Живот уже в наличии – никуда от этого не денешься. Никакие диеты не спасут.

Постепенно в этом пестром хороводе лиц, перезнакомившись со всеми, она начала узнавать присутствующих. И некоторые лица и фамилии оказались уже знакомыми.

Например, Наталья Павловна Филологова – Салтыков сразу представил их друг другу, с жаром заявив, что «Наталья Павловна – мастер своего дела, и без нее не было бы возрожденного Лесного, ничего бы не было». Наталья Павловна, на

взгляд Кати, была типичным ученым сухарем – сухарем незамужним и уже утратившим надежду на личное счастье в свои сорок восемь лет, но, несмотря на это, не теряющим бодрости духа и вкуса к жизни, о чем свидетельствовали ее модная стильная стрижка и свежий, здоровый цвет лица.

Вместе с Натальей Павловной, по словам Салтыкова, «над благородным делом возрождения Лесного не покладая рук трудилась» и ее коллега по науке и подруга – Долорес Дмитриевна Журавлева. Она была ровесницей Филологовой, но, судя по ее виду, по характеру – более мягкой и женственной. Обе дамы разговаривали очень громко и оживленно и в основном и создавали весь этот слегка оглушивший и ошеломивший Катю театральный тон встречи. Долорес Дмитриевна сразу познакомила их со своим сыном Валентином: «А это мой Валя, прошу любить и жаловать». Им оказался тот паренек в джинсах. Катя тут же вспомнила, что и его она вчера видела в машине вместе с Изумрудовым и блондинкой Мариной Аркадьевной.

Вале Журавлеву, как и Леше Изумрудову, на вид было лет девятнадцать. Он был высок, худощав. С Катей он поздоровался вежливо, а к Мещерскому не проявил ровно никакого интереса. Впрочем, они с Изумрудовым, выгрузившим свой велосипед из багажника, сразу же куда-то исчезли. И появились лишь за обедом, за общим столом.

Миловидная шатенка с котенком, которую Катя сначала приняла за жену Салтыкова, англичанку, оказалась никакой не англичанкой и не женой, а Анной Лыковой, сестрой того самого Лыкова, про которого Катя уже слышала.

Честно говоря, после хозяина Лесного именно Иван Лыков заинтересовал ее больше других. Он был ровесник Мещерского. И тоже родственник. Но, боже мой, какой непохожий на своих таких разных родственников родственник!

– Представляете, мы едва не заблудились тут у вас, – именно ему пожаловалась в этом шуме-гаме Катя.

– А чего? Позвонили бы мне, я б вас встретил у поворота с Рязанского. Вчера Сергуну долбил, долбил по телефону, как сюда добраться, а он все ушами просвистел, вот чуча!

Лыков улыбнулся. И улыбка еще больше придала ему сходства с пиратом, только что взявшим на абордаж судно с богатой добычей. «Сергуном», «Сергуней» он именовал Мещерского, и это выходило у него так же естественно, как и петербургское «с» у его родича Салтыкова.

В возрожденное дворянское гнездо Лыков заявился в потертой кожаной куртке-бомбере. Катя заметила в его левом ухе серебряную серьгу. На нижней губе был небольшой шрам, полученный, видно, в каком-то давнем единоборстве. С сестрой они были тоже абсолютно не похожи, хотя вместе смотрелись неплохо.

После первых же приветствий Салтыков, не давая опомниться, буквально потащил Мещерского осматривать свои владения. Подхватил Мещерского под правую руку, Катю – «прошу вас» – под левую и…

– В русских, моих соотечественниках, меня всегда восхищала широта души и романтизм. Это и мои главные чисто русские качества. Эх, Сергей, дорогой, я сам иногда себе удивляюсь. Осторожнее, тут ступеньки… Дело в том, что у меня такой характер: я могу очертя голову сорваться на край света, могу влюбиться без оглядки. Могу страстно увлечься каким-нибудь безумным проектом. Смотрите, вот здесь будет белый зал для приемов, здесь библиотека. Я перевезу сюда собрание книг нашей семьи. Мой отец еще в семьдесят четвертом приобрел библиотеку барона Кравуазье. Кстати, когда я сказал своему отцу, ныне уже покойному, что когда-нибудь обязательно вернусь в Россию и буду там жить, отреставрирую наше имение, он назвал меня мечтателем: «У тебя ничего не выйдет, даже не надейся!» А я надеялся, я верил, я жил этой своей верой. Сережа, ты не представляешь, как все-таки трудно здесь, у нас на родине, решать что-то позитивное! Я три года боролся, чтобы мне позволили арендовать Лесное. Заметь, не вернуть, а только арендовать. Здесь были развалины, я воевал с призраками за голые стены.

– Я слышал, здесь была психиатрическая больница, – вставил Мещерский, буквально сраженный напором и натиском парижского родственника.

– Клиника для душевнобольных! Точнее, ее уже не было, когда я взялся за реконструкцию. Здесь вообще ничего не было. Все было разрушено. А какой прежде здесь был архитектурный ансамбль! Сережа, я покажу тебе старые гравюры, фотографии, которые моя семья увезла с собой после революции. Здесь был рай. Средняя полоса России, тургеневские картины. Мой прадед в 1913-м проводил здесь обширные реставрационные работы. Дом и левый

флигель восемнадцатого века, их строили еще при Павле Ягужинском, были полностью восстановлены по сохранившимся чертежам в первозданном виде. А какой здесь был английский парк – пруды, система каскадов, потешные фонтаны. Здесь было несколько павильонов и гротов. Они сохранились со времен Марии Бестужевой, у дочери которой наш общий с Иваном Лыковым предок и приобрел это имение в 1769 году. Когда я прохожу по этому дикому парку, когда касаюсь этих стен, я словно занавес приподнимаю и вижу, все вижу, как это было… Ведь у меня от всего этого ничего не осталось там, несколько памятных вещиц, альбом старых фотографий. Только здесь, в Лесном, я снова ощущаю себя тем, кто я есть.

При этих словах Салтыкова Мещерский невольно оглянулся на Лыкова – тот шел за ними следом по залам. Лыков усмехнулся, покачал головой, что, наверное, означало: ах, увлекающийся вы наш, золотой, парижский, брильянтовый…

– За то, чтобы вернуться на землю моих предков, я сражался три года, – продолжал пылко Салтыков. – Я ездил по России, много ездил. По местам, связанным с нашей семьей, с нашими семьями, Сережа, – по старым усадьбам, искал могилы родственников. Я подарил часть коллекции, собранной моим отцом на антикварных аукционах, фонду культуры. В конце концов я получил право аренды Лесного на пятьдесят лет. И я счастлив, я так счастлив, господа… Здесь будет не просто отреставрированный памятник архитектуры восемнадцатого века, не просто частное поместье, а наш родовой фамильный музей, культурный центр, где мы сможем регулярно встречаться, общаться друг с другом. Я открою библиотеку и архивы для научной работы. На первом этаже в залах будут проводиться фотовыставки. У меня уже сейчас есть несколько проектов, посвященных русскому зарубежью. Раз в месяц здесь, в усадьбе, будут устраиваться музыкальные вечера. В гостевых комнатах антресольной части – я все покажу вам – будут останавливаться члены нашей семьи, друзья, родственники, гости. Одну минуту, извините…

У Салтыкова мелодично зазвонил телефон. Он разговаривал по-английски и, как поняла Катя, с лондонским банком. Речь шла о каких-то финансовых делах. Затем он снова повел их по залам. Внутри дом был даже больше и просторнее, чем казался снаружи. Имелся и второй антресольный этаж. Его окна выходили на задний двор. Катя, проходя по анфиладе комнат, пыталась представить себе, где же здесь размещались палаты душевнобольных и врачебные кабинеты. Но все было уже переделано, перестроено: стены и перегородки разобраны. И старый барский дом постепенно обретал свой первоначальный вид.

Правый флигель был уже полностью отремонтирован. В остальном здании шла внутренняя и внешняя отделка. По словам Салтыкова, работы еще было много. В залах было голо, пусто. Сновали рабочие – что-то красили, прибивали. Строительные работы шли и на заднем дворе, и в парке. Там тоже деловито суетились среди корыт с цементом и ведер с краской угрюмые работяги. Среди них Катя заметила знакомую кряжистую фигуру. Это был тот самый спутник блондинки Марины Аркадьевны, забравший ее вчера из церкви. Оказалось, что он не кто иной, как главный менеджер по строительству в Лесном – Денис Григорьевич Малявин. Салтыков позвал его и представил Мещерскому, лестно именовав «своим другом и главным помощником». Фамилия Малявин была Кате уже знакома. Но, кроме этих «видела раньше, слышала раньше», ничего другого не было. Связать как-то все это увиденное и услышанное с убийством священника было просто невозможно. Это были на первый взгляд абсолютно разные миры, разные реальности.

А в это самое время Никита Колосов тоже находился неподалеку, в Воздвиженском. Они с Кулешовым решали, что делать дальше. Кулешов докладывал результаты оперативных проверок: столько-то проверено в целом по району нарушителей паспортно-визового режима, столько-то лиц без определенного места жительства, столько-то стоящих на учете у психиатра, столько-то наркоманов. Нарушители паспортно-визового режима все как один (а было их семнадцать человек) оказались строительными рабочими с Украины. И все они трудились в Лесном.

– Они, что же, и живут там постоянно сейчас? – поинтересовался Колосов.

– Нет, живут они все в Бронницах, на частном секторе углы снимают. А сюда к нам их возят специально. Малявин Денис Григорьевич – есть у нас тут один такой предприниматель – организовал в автохозяйстве совхозном две «Газели». Утром рано они в Лесное рабочих везут, а оттуда мусор вывозят, а вечером рабочих – назад, – пояснил Кулешов.

– Но кто-то из них там все-таки на ночь остается?

– Из работяг никто. Они работают до семи, пока не стемнеет. Затем их оттуда спроваживают. Там свои порядки, – Кулешов перешел к другим итогам оперативных проверок.

Колосов слушал внимательно. Его в первую очередь интересовали те, кто проживал по соседству с отцом Дмитрием. Кулешов дом за домом, фамилию за фамилией перечислял местных.

– Как видишь, Никита Михалыч, народа у нас тут негусто. В основном старики. Молодых, нашего с тобой возраста, по пальцам можно считать.

Никита достал из папки справку, полученную сегодня утром из архива Информационного центра. Справка была изъята из старого дела, и тот, кто ее некогда составил, явно был не в ладах с грамматикой и русским языком. «10 ноября 1982 года в ПБ-5 поселка Тутыши Московской области находящийся на принудительном излечении судимый по статьям 108 ч. 2 и 117-й УК РСФСР гражданин Кибалко Петр Борисович 1950-го года рождения совершил на территории ПБ-5 убийство главврача ПБ-5 гражданина Луговского М.С., после чего совершил побег с территории больницы. Задержан правоохранительными органами 2 декабря 1982 года в районе мелиоративной станции совхоза «Путь Октября». При задержании оказал сотрудникам милиции сопротивление. По приговору суда направлен на продолжение принудительного лечения в спец ПБ-316 в Иркутскую область. Скончался в 1984 году».

Колосов передал справку Кулешову. Тот прочел, пожал плечами.

– Слыхал я, был тут такой случай давно, – сказал он. – Но я не в курсе, я тогда только в Омскую вышку поступил. А что ты вдруг архив стал запрашивать, Никита Михалыч?

– В Лесном дело-то было. Свидетель мне об этом сообщил – Захаров, знаешь такого?

– Как не знать. Бывший наш директор школы. С отцом Дмитрием дружен был давно, старостой был церковным последнее время.

– Проверили, как я просил, где он находился, что делал в день убийства?

– Ну кое-что выяснили по нему. Утром Захаров был в церкви. Часов примерно до десяти. Потом видели его здесь, в Воздвиженском, в магазине продуктовом. Вернулся он домой около трех часов дня. Затем находился дома.

– А вечером, в шесть часов?

– Соседи не видели, чтобы он куда-то выходил со двора. Жена говорит – был дома, с внуками играл, телевизор смотрел. После «Времени», по ее словам, они спать легли. Тут у нас, Никита, не Москва, спать рано ложатся, с курами. Чего свет-то зря жечь?

– Насчет Мячикова что-нибудь есть?

– Ну этого придурка я лично как облупленного знаю, – Кулешов усмехнулся, – при мне он тут куролесил, публично при женском поле, так сказать, обнажался.

– Чокнутый он? – спросил Колосов.

– Да вроде нет. Чтобы там заговаривался или слюни пускал, как олигофрен, – этого нет, но с чудиной, факт.

– Так где же он? Нашли его?

– Ищем. Дома его нет, на станции – он там часто ошивается – тоже. Да не беспокойся ты, найдем, никуда он от нас не денется. Только, если честно, в то, что он отца Дмитрия убил, я не верю.

– Почему?

– Потому что слизняк он, этот Мячиков. Дохляк, и на уме у него совсем другое. Бегает небось где-нибудь как кобель, девок подкарауливает. Найду я его, из-под земли достану, только… Ладно, а с результатами вскрытия что?

Колосов достал предварительный отчет судмедэксперта, присланный по факсу.

– Ничего нового, те же выводы, что и раньше, – ответил он, – дактилоскопическая экспертиза тоже ничего интересного нам не дает на этот раз. На портфеле, на обложках книг отпечатки пальцев самого потерпевшего. Убийца портфель не трогал. В близкий контакт с жертвой не входил: борьбы, сопротивления не было. Вряд ли старик даже сумел увидеть нападавшего – удар нанесен по голове сзади. Насчет молодняка в Лесном выяснили?

– Фамилии установили. В Лесном двое подходят под описание Волкова: некий Алексей Изумрудов двадцати лет и Валентин Журавлев – этому девятнадцать. Остальные все старше по возрасту. Изумрудов работает в Лесном с мая месяца.

– Кем? – спросил Никита.

– Выясняем. Вроде как все – что-то там реставрирует.

– Вроде. Надо точно. А Журавлев?

– У этого мать Долорес Дмитриевна Журавлева в Лесном научным консультантом работает, ее Салтыков нанял. А парень при ней. Но чтобы они часто церковь посещали, с отцом Дмитрием знакомы были близко – свидетельств этому нет. Надо допросить пацанов, выяснить, кто из них и зачем в тот день к настоятелю приходил, как Волков показывает.

– Я все хотел спросить – этот Волков Михаил Платонович, он доктор по каким хворобам, он в райцентре у вас в больнице работал?

Кулешов покосился на Колосова.

– А он сам разве тебе не сказал? Странно. Да нет, Никита, он не в райцентре работал. А здесь, в Лесном. Он психиатр. Сейчас в Институте Сербского вроде консультирует. В последние-то годы, как больницу здесь прикрыли, ему туго пришлось – он ведь там должность главврача исполнял.

– Да? А он постоянно тут живет?

– На даче-то? Это у него еще от отца дача осталась. Отец у него тоже психиатр был знаменитый, профессор. В этом году Волков как весной в мае месяце приехал, так и не уезжает. В прошлые годы летом тут жил, а так в Москве.

– Он не женат, что ли?

– Разведен. Вроде потому сейчас и живет на даче, что жена в Москве квартиру оккупировала.

– Опять вроде. Самое любимое слово у тебя, как погляжу. – Колосов покачал головой. Однако наезжать на Кулешова было особо не за что. С Волковым он сам допустил оплошность, не выяснив в разговоре все досконально.

– Что он в день убийства делал, установили?

– Нет. Трудно установить. Дача его на отшибе. Соседей нет, сам он сюда, в поселок, не часто заглядывает. Ездит на машине – белая «Волга» у него, продукты из Москвы привозит. Сам он говорит, что в тот день видел отца Дмитрия с кем-то из Лесного, когда мимо церкви проезжал. Но где он находился и что делал вечером с четырех до семи часов, проверить пока не представляется возможным. Одно могу сказать: никаких вразумительных мотивов для убийства священника лично у Волкова я не усматриваю. Знакомы они были сто лет, по-соседски общались. Ну зачем, скажите, врачу-психиатру, интеллигентному человеку раскраивать череп старику-священнику?

Колосов не ответил. В принципе, пока все это было лишь пустое сотрясение воздуха – все эти риторические вопросы, предположения, догадки.

День пролетел в мгновение ока. Катя всегда поражалась скоротечности времени в некоторые моменты жизни. Казалось, вот только что они приехали в Лесное. Был пасмурный осенний полдень. И вот уже снова тьма за окном, и они с Мещерским едут назад в Москву. Впереди огни, а на часах уже без малого полночь. Все уже позади, в прошлом, а калейдоскоп впечатлений, словно кино, продолжает крутиться перед вашим взором. Что вспомнить, что выделить в этом сумбурном мелькании, в этом хороводе, где все лица – новые, а голоса – чужие? Что же вспоминается ярче всего?

Вот они с Романом Валерьяновичем Салтыковым, Натальей Павловной и Долорес Дмитриевной торжественной процессией шествуют по парку. Салтыков, как царь Петр на верфи, широко шагает, дышит полной грудью, сверкая глазами, восторженно повествует о том, как здесь будет прекрасно через каких-нибудь год-два. А они как свита за ним гуськом по лужам, по рытвинам, по ямам, по ухабам. Катя едва не сломала каблук-шпильку в одной такой рытвине, подумав, что в это дворянское гнездо уместнее было бы, наверное, одеться как на субботник.

Рабочие-украинцы на берегу пруда забивали под чутким руководством охрипшего от усердия и ругани Дениса Малявина какие-то сваи в раскисший грунт.

– Особого расцвета усадебно-парковый комплекс Лесное достиг уже в первой половине восемнадцатого века, когда полновластной хозяйкой поместья стала сестра вице-канцлера императрицы Елизаветы Петровны Мария Бестужева. Лесное досталось ей по наследству от ее первого супруга, любимца и сподвижника Петра Первого Павла Ягужинского, – тоном провинциального экскурсовода-сказителя вещала Наталья Павловна Филологова. – После его кончины Мария, урожденная Головкина, вышла замуж за Михаила Бестужева, и примерно с 1728 года она начала регулярно посещать свою подмосковную вотчину Лесное. При ней перестраивается само здание усадьбы, возводятся многочисленные хозяйственные постройки, флигели. Разбивается на английский манер обширный парк. Здесь появляются пруды, летние и зимние павильоны, гроты. Вот эта аллея, по которой мы с вами сейчас идем к так называемому Царскому пруду…

Катя помнила, как они, спотыкаясь, брели по аллее. И, несмотря на свой крайне запущенный вид, эта старинная аллея была прекрасна: по бокам вековые дубы и липы, как стража в осеннем уборе. Только вот под ногами словно кроты нарыли вековые ходы.

– Аллея оканчивалась у павильона, носившего название «Версаль», – продолжала Наталья Павловна. – Сейчас, как видите, от него сохранился только фундамент, но…

– Именно этот павильон я хочу восстановить по старым гравюрам и чертежам, – перебил ее Салтыков. – Работы начнем уже на следующей неделе. Думаю, до зимних холодов мы успеем подвести туда все коммуникации, а может быть, и стены возведем. Это будет, по моим планам, нечто вроде музыкального салона. Сережа, через год ты не представляешь – аллея в подсветке, окна павильона смотрят на зеркальную гладь воды, и музыка, музыка – струнный квартет играет Моцарта, Гайдна, праздничный фейерверк…

– На противоположной стороне пруда вы можете видеть павильон «Зима», – снова подхватила Наталья Павловна. – В первоначальном виде с восемнадцатого века он не сохранился, неоднократно перестраивался владельцами усадьбы как гостевой павильон. Последняя перепланировка датирована 1913 годом.

Павильон дожил до наших дней, сейчас ведется работа по реставрации его фасада и стен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/tatyana-stepanova/molchanie-sfinksa

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить